

Таня Акентьева

Развод в 45 Хозяйка заброшенного имения

<https://litres.ru/74367953>

Аннотация

После двадцати лет счастливого брака, дракон привёл в наш дом свою истинную. Её он хочет видеть своей женой, а меня... Любовницей? Но я никогда не соглашусь на такое! За отказ повиноваться дракон отправляет меня в заброшенное родовое имение. Он думает, что жизнь в глуши сломает меня, и я вернусь, моля о прощении. Не тут-то было! Я не только имение восстанавливаю, но и докажу, что в 45 жизнь только начинается! _____ В книге вас ждёт: ♥#предательство дракона взрослая адекватная героиня ♥#налаживание быта щепотка магии ♥#горстка любви ну и конечно ХЭ

История участвует в литмобе "Хозяйки гиблых мест"

Содержание

Тот день, когда привычный мир рухнул	5
1	9
2	12
От автора	16
3	17
4	21
Маски сняты	25
5	28
6	32
7	37
8	41
Последняя ночь в семейном гнёздышке	44
9	48
10	54
11	58
12	61
Шейн	64
13	67
Валерия	71
14	75
Отъезд	80
15	84
16	88

17	95
18	101
Ну, здравствуй, новый дом...	107
19	113
20	118
21	124
22	131
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Тот день, когда привычный мир рухнул

Развод в 45 Хозяйка заброшенного имения

Дверь бесшумно открылась, и в комнату без стука вошла главная горничная.

— Его Светлость приказал вам спуститься к гостям, — холодно сообщила она.

Её слова неприятно резанули мой слух.

Приказал...

Словно бы я не жена, а прислуга какая.

Шейн, конечно, был человеком властным, и его слово имело существенный вес, но он всегда проявлял учтивость ко мне. За двадцать лет брака я привыкла к деликатности мужа даже в тех ситуациях, когда наши мнения расходились.

Наш брак был построен на уважении. На понимании. На любви.

По крайней мере, я так считала.

И чтобы Шейн приказывал мне...

Никогда.

Мелькнула мысль, что я, возможно, ослышалась. Но выражение лица горничной не оставляло сомнений. Она знала,

что говорит.

— Что-то случилось? — спросила с тревогой. — Почему Его Светлость сам не поднялся ко мне?

Так повелось, что мой супруг часто отсутствовал дома. И в этом не было вины самого Шейна, скорее его драконья ипостась требовала свободы. Требовала войн и сражений. Захватывала новых земель.

Бывало, он покидал меня на целые месяца, но всякий раз, возвращаясь, Шейн первым делом поднимался в наши покои, а уж после мы вместе спускались к гостям.

Сегодня был тот самый день, когда он вернулся с победой из очередного похода. С самого утра в доме шли приготовления: слуги сновали по коридорам, вычищая каждый угол до блеска, повара, взмокшие от жара печей, колдовали над изысканными блюдами, способными удовлетворить даже самые взыскательные вкусы, а садовники украшали террасы цветами, собранными в нашем саду.

От меня же лишь требовалось довести свой образ до идеала, чем я, впрочем, и занималась последние несколько часов.

Шейн хотел, чтобы внешнею я ни чем не уступала высокорожденным драконессам. Но куда там. Как бы я не старалась, не умасливала кожу маслами, не втирала в неё травяные отвары, чтобы придать ей тот самый благородный отлив, которым так гордились драконицы, я так и осталась жалкой стареющей человечкой, которой вскоре исполнится сорок пять.

"Ты — украшение этого дома, — любил повторять муж, даря мне при этом очередное сапфировое ожерелье... или баночку с омолаживающим кремом. — Твой образ должен соответствовать статусу..."

Иногда я сравнивала себя с новогодней ёлкой, увешанной дорогими игрушками. Не скажу, что мне это нравилось, но таковы были правила этого мира. В Райнерии не ценился ум, духовное развитие или умение поддержать разговор, здесь ценилась твоя внешняя оболочка и каким резервом магии ты обладала. И чем дороже ты выглядела, чем большим даром владела, тем больше привилегий у тебя было.

Но, не смотря на все эти человеческие мелочи в виде морщин и прочих несовершенств, я ни разу не услышала упрёков от Шейна.

Он любил меня. По-своему, конечно. Но любил.

— А вы спуститесь, как было велено господином, — неожиданно нахально ответила горничная. — И сами всё увидите.

Я удивлённо вскинула брови и смерила горничную непонимающим взглядом.

Её дерзкий тон перенёс меня на много-много лет назад, в те времена, когда Шейн только объявил о нашей помолвке. Тогда прислуга ни в какую не хотела признавать меня — иномирянку, обычную человечку с ничтожным даром, своей госпожой. Да что там говорить... Не только прислуга, но и семья Шейна, его друзья и вся знать в округе, все они смот-

рели на меня с брезгливым пренебрежением.

Всё изменилось, когда я подарила Шейну наследника.

Наш сын был истинным потомком древнего рода. В его жилах текла кровь драконорожденных, что существенно укрепило моё положение в Райнерии. Теперь уже не только Шейна, а нас обоих стали приглашать на званые вечера, где драконессы уже не так рьяно воротили носами при виде меня, а их мужья больше не смотрели на меня, как на мерзкого дождевого червя.

Я думала, что те времена, когда я была для них простой смертной, далеко позади. Верила, что за прошедшие годы мне удалось добиться не только признания, но и их уважения.

Выходит, я ошибалась?

1

В груди неприятно кольнуло. Что-то явно было не так. Шейн никогда бы не позволил, чтобы кто-то из слуг разговаривал со мной в подобном тоне. Обычно, он на корню пресекал любые попытки неуважения ко мне, да так, что потом месяц икалось.

А тут... горничная, выказывающая неприкрытое пренебрежение, да еще, судя по её дерзкому тону, с согласия своего господина?

Горничная, заметив моё замешательство, самодовольно усмехнулась, развернулась и пошла к выходу. Подавив в себе желание окликнуть её, вернуть и напомнить кто перед ней, я дождалась, когда она закроет дверь, после поднялась и подошла к большому ростовому зеркалу, висевшему на стене.

Из отражения на меня смотрела шатенка с тонкими чертами лица. Не смотря свой на возраст я могла смело заявить, что всё ещё оставалась очень красивой: выразительные глаза, острые скулы, аккуратный носик и чувственные губы. Да, годы оставили свой отпечаток в виде едва заметных морщинок в уголках глаз, но они лишь добавляли моему облику зрелости, шарма. Изящная шея, лебединой грацией переходящая в покатые плечи, тонкая талия и широкие бёдра завершали картину. Можно было сказать, что я осталась довольна увиденным, но что-то в собственном облике смущало меня.

Присмотревшись, я поняла — взгляд.

Потухший. Усталый. Наполненный равнодушием.

Шейн постоянно твердил, что главное в драконах — уверенность и огонь в глазах.

Огонь, который говорит о той властной породе, что струится в их крови. Но где ее взять, эту породу, если ты всего лишь смертная человечка по воле судьбы оказавшаяся в магическом мире?

По прошествии стольких лет я и сейчас ясно помнила тот самый день, когда очнулась в Райнерии посреди багряного леса.

Полностью обнажённая и дрожащая от холода.

Я не помнила, как там оказалась. Но помнила из-за кого...

Но даже сейчас, когда, казалось бы пол жизни уже миновало, я заставляла себя не думать о них.

Не вспоминать.

Испуганно вздрагивая от каждого шороха, я несколько дней пробиралась сквозь чащу в поисках выхода. Но... так и не выбралась из неё. Вконец, обессилев от жажды и голода, я просто сдалась. Упав на холодную землю, я взмолилась о смерти, но Шейн нашёл меня раньше костлявой.

И не только нашёл, но и забрал с собой.

Так началась моя новая жизнь — жизнь в мире драконов.

Шейн много рассказывал мне о Райнерии, о ее законах и обитателях. Но больше всего он говорил о драконах — о их величии, их силе, их предназначении. Он уверял меня, что

в будущем я сумею пробудить в себе драконью ипостась, но время шло, а я так и оставалась простой человечкой.

Да я даже магией практически не обладала!

Я видела, как его семья, друзья, смотрят на меня — надменно, с высоко, словно на ничтожную букашку, и только Шейн верил в меня и продолжал возиться с пустышкой-иномирянкой.

Вскоре наша дружба переросла в отношения, а после того, как Шейн узнал, что я в положении, он, не смотря на осуждения окружающих, женился на мне.

Так я и стала матерью наследника, женой драконьего лорда и, наконец, хозяйкой этого дома.

Поправив сверкающее ожерелье на шее и бросив последний оценивающий взгляд на своё отражение, я направилась к выходу.

Терзаемая дурными предчувствиями я спустилась по лестнице, миновала холл и свернула в коридор, ведущий к главной зале. Именно там сегодня, по случаю возвращения Шейна, было устроено пышное торжество.

Торжество, которое, судя по звукам доносящейся музыки, началось без меня.

Возможно раньше такое открытое пренебрежение, задело бы моё самолюбие, но сейчас, одна только мысль, что Шейн сейчас там, ждёт меня, заставляла позабыть обо всём.

Не стану скрывать, за то время, что Шейн отсутствовал дома, я дико соскучилась по супругу. Каждая минута, проведённая в этом доме без него казалась мне вечностью. И дело было не только в том, что я безумно любила мужа, а в том, что в его отсутствие мне элементарно не было с кем даже поговорить. За прошедшие двадцать лет у меня так и не появилось в этом мире подруг, а слуги попросту были не настроены вести разговоры со своей госпожой.

Единственной отрадой для меня был сын Дарок, но мальчик вырос и душевные беседы с матерью стали ему не нужны.

И если бы не моё небольшое хобби, в которое я с головой погружалась когда Шейна не было дома, то я бы просто рехнулась от одиночества.

Огромный приусадебный сад стал моим спасением. Там я пропадала с утра до вечера, занимаясь совсем не тем, чем соответствовало бы заниматься супруге дракона. Знатные драконессы проводили свободное время за вышиванием шелком, плетением интриг и обсуждением модных нарядов. Я же предпочитала копать в земле, высаживая диковинные сорта роз, которые, благодаря моему дару, благоухали на всю округу.

О, мой дар - это отдельная история.

Когда я впервые оживила сломанный увядший цветок своей магией, едва ли не расплакалась от счастья. Для меня, обычного человека, который и магии-то никогда не видел, это стало грандиозным событием. С тех пор я не боялась браться даже за самые безнадежные растения, зная, что смогу вдохнуть в них новую жизнь. Наш сад разрастался, превращаясь в настоящий рай. Он стал моим "детищем", моей гордостью. И даже драконы, обычно равнодушные к подобным проявлениям красоты, невольно замедляли шаг, проходя мимо чарующих клумб.

В моей памяти до сих пор свежи воспоминания тех дней, когда я впервые открыла магический дар у себя. Я радовалась, словно ребёнок, и взахлёб рассказывала Шейну о тех растениях, что мне удалось оживить. Мужчина слушал и снисходительно улыбался. В тот момент я ещё не понимала, как глупо выгляжу со стороны, ведь только по прошествии нескольких месяцев, я стала невольной свидетельницей од-

ного очень даже неприятного разговора, который шёл обо мне. Тогда-то я и узнала, какой ничтожный дар, по меркам драконов, достался иномирянке. То есть мне.

Я не стала обижаться на мужа за то, что он не сказал мне этого сразу, а просто перестала делиться с супругом своими "победами" и посещала сад лишь тогда, когда Шейн уезжал.

Но сегодня он здесь. Дома. А значит, я вскоре увижу его.

Желая, как можно скорее оказаться рядом с супругом, я ускорила шаг.

И чем ближе я подходила, тем отчетливее слышала смех и оживленные голоса.

Получается, я не ошиблась. Веселье давно уже началось. Только вот почему Шейн не пришёл в наши покои, так и оставалось для меня загадкой.

Загадкой, которую я готова была разгадать. Прямо сейчас. В эту минуту.

На пару секунд останавливаюсь у высоких двустворчатых дверей и глубоко вдыхаю, пытаюсь успокоить бешено колотящееся сердце, напускаю на губы фальшивую улыбку, предназначенную гостям, и только после вхожу в залу.

Стоило мне это сделать, как в тот же момент я ощутила на себе множество взглядов.

Цепких. Оценивающих. Пробирающих до мурашек.

Подавив в себе желание передернуться от омерзения, я, продолжая притворно улыбаться, медленно пошла через гостей в поисках мужа.

И вскоре я увидела его.

Шэйн, как всегда, был великолепен. Высокий, широкоплечий, с гордой улыбкой победителя, он стоял в центре залы, а взгляд его серых пронзительных глаз лениво скользил по толпе.

Рядом с Шейном стоял Дарок. Сын уже увидел меня и теперь неотрывно смотрел в мою сторону. Его взгляд был наполнен смятением, страхом и... мольбой, словно бы он не хотел, чтобы я вообще здесь находилась.

В груди похолодело.

Теперь я уже была точно уверена, что в нашем доме или в нашей семье что-то произошло.

Что-то, от чего Дарок хочет меня отгородить.

Обогнув очередную стайку разряженных драконесс, я увидела, что с другой стороны от Шейна стоит незнакомая мне девушка. Молодая и очень красивая. Фарфоровая кожа, золотые выющиеся волосы, пухлые губы и огромные голубые глаза, наполненные огнём. Тем самым, который говорит о породе.

В тот момент я ещё могла придумать объяснение тому, с какой целью высокорожденная драконица стоит рядом с Шейном. Но вот почему она держит моего мужа за руку?

Этому у меня объяснения не было...

От автора

Дорогие читатели!

Добро пожаловать в мою новую историю)

Добавляйте книгу в библиотеку, ставьте звёздочки и не забывайте про комментарии.

Всё это очень мотивирует автора на скорейшее написание новых глав :)

А здесь можно подписаться на автора:

<https://litnet.com/shrt/lody>

Так же хочу сообщить вам, что история пишется в рамках литмоба

Хозяйки гиблых мест

Вас ждут 12 книго сильных духом девушках, способных возродить то, что уже казалось погибшим. И это я не про либидо красавчиков, тут само собой, это я про гиблые земли, чёрные пустоши, болота, пустыни и разрушенные замки.

Увиденное настолько поразило меня, что я сбилась с шагу и едва не врубилась в проходящего мимо лорда.

— Осторожнее, леди Валерия, — произнёс он и смерил меня взглядом, в котором читалось не то удивление, не то презрение.

— Простите, милорд, — останавливаясь, с трудом выдавила из себя, не в силах отвести взгляда от руки супруга, в которой по-хозяйски устроилась изящная ладонь драконицы.

Мужчина хмыкнул и отступил в сторону, освобождая мне путь.

— Ох уж эти неуклюжие человечки, — раздалось насмешливое за спиной, но я даже не обернулась и продолжила идти в сторону мужа.

В голове пульсировала лишь одна мысль: "Что происходит?"

Где-то в глубине души я уже знала ответ. Просто не хотела признавать этого. Не хотела верить в то, что Шейн предал меня. Променил на другую. Но то, что я видела перед собой, говорило об обратном.

Когда до парочки оставалось рукою подать, Шейн, наконец, увидел меня. В его глазах промелькнула та нежность, с которой он всегда смотрел на меня. Губы его дрогнули, и он

тепло улыбнулся.

На мгновенье я даже поверила, что всё хорошо, что ничего не изменилось и Шейн верен мне, но стоило мне опустить взгляд и увидеть их переплетённые пальцы, как иллюзия самообмана с треском разбилась о чудовищную реальность. От осознания, что тот, кого ты долгие годы так сильно любила, предал тебя, в голове зашумело, в глазах потемнело, а к горлу подкатил ком тошноты.

Мне потребовалось приложить невероятное усилие, чтобы не поддаться эмоциям и не разрыдаться прямо посреди залы. Только не сейчас. Не на глазах этой своры, которая только и ждёт, что слабая человечка сломается.

Несмотря на дикую боль в душе, я явственно осознавала, что не могу, да и не хочу показывать им свою слабость. Позже, когда останусь одна, я могу хоть сколько реветь, а сейчас мне нужно держаться. Сохранять лицо, так бы назвал это Шейн.

Глубоко вздохнув, я выпрямила плечи, подняла подбородок и, с осанкой королевы, подошла к мужу и его спутнице.

— Валерия, дорогая, — Шейн, наконец, выпустил из своей руки ладонь драконицы. Он подошёл ко мне, обнял и, коснувшись губами виска, прошептал: — Я так рад видеть тебя.

Его слова прозвучали как насмешка, как удар под дых. Рад видеть? После того, как он выставил меня на посмешище перед всем высшим обществом, после того, как продемонстрировал свою связь с этой... драконицей? О боже, какой аб-

сурд!

Застыв изваянием в объятиях мужа, я больше не чувствовала ничего.

Внутри была пустота.

Невыносимая. Отчаянная. Леденящая пустота.

Но Шейн, словно бы не замечал моей холодности. Он отстранился и, взяв меня за руку, потянул за собой.

— Я уже представил Мелиссу гостям, но ты тоже должна познакомиться с ней... — Шейн с обожанием посмотрел на златовласую девушку. Посмотрел так, как когда-то смотрел на меня. — Это Мелисса Браун. Дочь лорда Северных земель. И она... моя истинная пара.

В голосе Шейна звучала неподдельная радость, словно бы он наконец добрался до той желанной игрушки, в которую ему запрещали играть.

"Истинная пара..." — эхом отдалось в голове.

Слова Шейна, будто осколки стекла, вонзились в самое сердце.

И каждый из них резал безжалостно, оставляя за собой кровоточащие следы.

Я затуманенным взглядом посмотрела на мужа. Неужели он не понимает, какую боль причиняет мне своими словами? Глаза Шейна сияли от счастья. Нда... Похоже, действительно не понимает.

— Я рада за тебя, муж мой, — это всё, что в тот момент я могла произнести.

Но Шейн остался доволен. Коротко кивнув мне, он выпустил мою руку и, взяв под локоток свою новую пассию, громко, да так, что звуки музыки померкли на фоне его голоса, произнёс:

— А теперь давайте отпразднуем это! Воздадим дань нашей победе!

Я смотрела, как они проходят мимо меня, как Шейн, склонив голову, что-то шепчет своей истинной, видела, как она игриво улыбается ему в ответ и чувствовала, как привычная жизнь распадается на осколки.

Я настолько была разбита, что не сразу услышала, как Дарок зовёт меня.

— Мама? — повторил он и коснулся моего плеча.

Я вздрогнула и повернулась к сыну. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы сфокусировать взгляд на его лице.

Дарок. Наш сын. Высокорожденный. Он был, как две капли воды похож на отца. Только вот характером пошёл в меня. Слишком мягкий нрав. Слишком доброе сердце. Вообще, слишком человечным он был. В свои двадцать лет Дарок уже сумел пробудить вторую ипостась и научился в совершенстве владеть своей магией. Шейн пророчил ему великое будущее и то, что случилось сегодня, не должно было разрушить его.

— Как ты? — с беспокойством спросил он.

— Всё хорошо. — прошептала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Получилось не очень.

Дарок нахмурился, внимательно изучая моё лицо.

— Как-то не похоже, — пробормотал он.

Я попыталась напустить на губы улыбку, но получилось лишь болезненное подобие.

Но, несмотря на это, я, с настойчивостью утопающего, повторила:

— Нет, правда, всё хорошо.

— Пойдём отсюда, мам? — неожиданно предложил Дарок. — Я провожу тебя в комнату и побуду с тобой пока... пока всё это не закончится.

"Это никогда теперь не закончится," — хотела ответить я, но вместо этого произнесла:

— Ты же знаешь, мы не можем уйти. Отцу это не понравится. Особенно, если уйдёшь ты. И в этом Шейн будет прав. В такой значимый для него день, он бы точно хотел, чтобы ты, Дарок, был рядом с ним.

— Но, мам... — начал он, но я прервала сына, положив руку ему на запястье.

— Тишшш... — покачала головой. — Я всё решила.

Дарок вздохнул и бросил короткий взгляд на усаживающихся за стол гостей, затем вновь посмотрел на меня. В его глазах было столько сочувствия, что на мгновение я почувствовала, как рушится возведенная мной стена безразличия. Захотелось прижаться к сыну, уткнуться в его плечо и выплакать всю ту боль, что разрывала меня изнутри. Но я не могла. Не сейчас. Не здесь. Нужно было держаться ради него, ради себя, ради приличий, в конце концов.

Я слегка сжала его запястье, стараясь передать сыну всю свою любовь и благодарность без слов.

Дарок всё понял, кивнул и, взяв меня под руку, повел к гостям.

Когда мы подошли к нашим местам, я на мгновение оторопела и в замешательстве остановилась.

Во главе стола сидел Шейн, а по правую руку от него расположилась его драконица-златовласка. Девушка сидела на том самом месте, которое по праву принадлежало мне. Его жене.

Холодная волна прокатилась по телу, замораживая остатки чувств. Не знаю, чтобы было со мной не будь Дарока рядом. Возможно, я бы так и стояла, смотря на соперницу.

Но голос сына вырвал меня из оцепенения.

— Садись сюда, мам, — он отодвинул для меня стул, по левую руку от Шейна.

Благодарно кивнув ему, я заняла предложенное мне место и уставилась затуманенным взглядом в пустую тарелку.

Тогда, я уже пожалела, что не поддавалась уговорам Дарока и не ушла в свою комнату. Так глупо и омерзительно я не чувствовала себя очень и очень давно.

Но отступать было поздно. Уж раз я села за стол, то должна была просидеть за ним хотя бы до того момента, пока гости не покончат с едой.

В какой-то момент я ощутила себя самозванкой, случайно попавшей на этот торжественный пир. Каждый звук за столом казался мне громом. Голос Шейна, лёгкий смех Мелиссы, звон столовых приборов и даже приглушенные голоса наших гостей — всё это резало слух и подчеркивало мою отчужденность.

Я чувствовала, как на меня смотрят. Не только Шейн и его новая пассия, но и все остальные присутствующие. Видимо,

драконицы и их высокородные лорды с нетерпением ждали моей реакции. Что я скажу? Что сделаю? Разобью тарелку? Вылью вино на голову разлучнице? Устрою скандал?

Но я не собиралась давать им этого зрелища. Я была слишком разбитой и не видела смысла распыляться на бессмысленные выяснения отношений.

Я просто хотела, чтобы этот вечер поскорее закончился.

И, наконец, это случилось.

Когда слуги начали убирать пустые тарелки, я встrepенулась и подняла взгляд на супруга.

— Извини меня, Шейн, но мне что-то не хорошо. Я, пожалуй, пойду, — тихо сказала, дождалась одобрительного кивка, и только после поднялась из-за стола со словами: — Желаю вам приятного вечера, господа.

Затем, едва заметным движением руки остановила Дарока, собирающегося последовать вместе со мной, и, с трудом передвигая ногами, направилась к выходу.

Я плохо помнила, как вышла из залы. Не помнила, как добралась до покоев. И совсем не помнила, как провела несколько часов в своей комнате, сидя на кровати и смотря в одну точку перед собой.

В себя пришла лишь тогда, когда дверь распахнулась и в комнату вошёл Шейн.

Маски сняты

Мазнув отстранённым взглядом по лицу Шейна, я вновь уставилась перед собой. Я не хотела смотреть на него. Не могла.

Шейн подошёл и остановился напротив.

— Ты в порядке? — спросил так, словно бы действительно переживал за меня.

Я медленно покачала головой, не в силах произнести ни звука. Тогда он сел рядом и взял меня за руку, но я быстро отдернула её. Его прикосновения вызвали у меня дрожь отвращения. Перед глазами навязчиво маячило воспоминание, как в его ладони лежит чужая рука. Тонкая, холёная, с изящными пальчиками, увенчанными аккуратными ноготками.

Шейн раздраженно выдохнул.

— Что случилось, Валерия? К чему эта драматичная сцена?

Я едва не задохнулась от возмущения. Он ещё спрашивает?

Пересилив себя, я наконец, повернулась к супругу.

— Ты действительно не понимаешь? — увидев, как он в ответ едва заметно покачал головой, я не выдержала и сорвалась: — Ты привёл в дом другую, Шейн! И не просто привёл, а сделал это на глазах у всех, словно хотел показать всем им, что я ничто для тебя. Своим поступком ты унизил меня!

Растоптал... Предал...

Голос сорвался, превратившись в болезненный хрип.

Шейн нахмурился, а в его глазах я увидела полное непонимание.

— Я думал ты будешь рада за меня, — Шейн встал и начал нервно расхаживать по комнате. Он выглядел растерянным и виноватым, но в его глазах горел огонь непонятного мне восторга. — Ты просто не понимаешь, Валерия, каково это найти свою истинную...

Ну да... Разве мне понять, ведь моя ипостась так и осталась равнодушна к моим призывам.

— ... Это как обрести недостающую часть себя! — между тем с горячностью продолжал говорить он. — Это как вдохнуть полной грудью, когда несколько часов не дышал. Это как увидеть насколько прекрасен мир после долгих лет слепоты...

Я застыла, не веря своим ушам. Недостающую часть себя?

— Значит, все двадцать лет я была для тебя лишь временным заполнением пустоты?

Шейн остановился и с укором посмотрел на меня.

— Не говори так, Валерия. Я любил тебя... И сейчас люблю. А она... она это другое. Мой дракон звереет рядом с Меллисой. Он тянется к ней. И я не могу, да и не хочу противиться этому. А ты, как любящая жена, должна была меня понять... К тому же, ты всегда знала, что это может произойти. Ты должна была подготовиться, а не устраивать на пустом

месте скандал.

Что ж... В последнем Шейн не соврал. Он рассказывал мне истории, как его предки, уже отчаявшись встретить истинную, на пике лет всё же обретали свою пару. Тогда им словно срывало крышу. Они отказывались от всего, что связывало их с прошлым. И не важно, что это было: семья, жена или дети. Но тогда я не воспринимала слова мужа всерьёз. Я не думала, что это произойдёт с нами. С кем угодно, но только не с нашей семьёй! Да даже если б я знала, что это случится, разве можно вообще подготовиться к предательству любимого человека? Невозможно конечно. Ты или любишь, или всю жизнь трясешься от страха, боясь его потерять.

Но я понимала, что спорить с Шейном бессмысленно.

Его дракон уже сделал свой выбор, и ничто не может этого изменить.

— И что теперь? — я вскинула взгляд на него. — Как ты намерен действовать дальше? Что будет со мной? С Дароком? Ты изгонишь нас? Поступишь так, как когда-то поступали твои предки?

Шейн смерил меня обжигающим взглядом, который, судя по сузившимся зрачкам, не сулил мне ничего хорошего...

Но вместо ожидаемой бури, Шейн наградил меня долгим молчанием.

Я не могла не заметить, что мужчину одолевают сомнения. С одной стороны — долг перед семьей, годы, проведенные вместе, а с другой — неумолимая сила, тянущая его ипостась к новому, неизведанному и такому желанному.

Я смотрела на Шейна и видела, что он сам растерян не меньше меня.

— Что дальше, Шейн? — шёпотом повторила.

— Я не знаю... — он покачал головой, после отошёл и буквально рухнул в рядом стоящее кресло. Мужчина опустил голову, зарываясь пальцами в волосы. Пару минут он молчал, затем вскинул взгляд и глухо сказал: — О боги, Валерия. Я... я не знаю, как мне поступить. Но знаю одно — я не смогу просто взять и вычеркнуть вас из своей жизни. Дарок — мой сын, мой наследник, ты — жена, та, с которой я прожил больше двадцати лет. Но и противиться зову дракона я не могу. Не могу отказаться от истинной. Это... это как если бы я отказался от части своей души.

Я судорожно сглотнула ком, подступивший к горлу.

Слова Шейна звучали как приговор. Не прямой конечно, но от этого не менее болезненный. Я понимала, что он разрывается между нами, но разве от этого мне делалось легче?

Разве это хоть как-то уменьшало ту боль, которая терзала меня.

— И всё же тебе нужно принять решение, Шейн, — сухо потребовала.

Мужчина поднялся с кресла и стал медленно приближаться.

— Мы могли бы всё оставить как есть, — наконец произнёс он, останавливаясь в паре шагов от меня. — Ты... Я... Мелисса... Дарок... Мы все могли бы жить в нашем доме.

Я вскинула брови, не веря своим ушам.

"Оставить как есть"?

То есть, я должна буду делить его с другой и всю оставшуюся жизнь мне придётся жить в тени его истинной пары, зная, что я всегда буду лишь "женой", а не той, кого он любит всем сердцем?

От возмущения у меня перехватило дыхание.

Встаю и пораженно застываю напротив супруга.

— Что ты сейчас сказал?

Шейн недовольно скривился, но повторил:

— Я предложил тебе остаться и...

Не выдерживаю и перебиваю его:

— В качестве кого, Шейн? Любовницы? — с нескрываемой болью смотрю на него.

— Не называй это так.

— А как, Шейн? Как? Рано или поздно, но Мелисса станет твоей законной супругой, а я... — замолкаю, не в силах

вновь произнести это гадкое слово. — Как ты вообще мог подумать, что я соглашусь на такое? Это так мерзко, Шейн! Мерзко и подло!

— Валерия, — он делает ещё один шаг и останавливается почти вплотную рядом со мной. — Дорогая, ты, как обычно, всё преувеличиваешь. Мелисса — моя истинная, а ты жена, которая подарила мне наследника. Ты же знаешь, я не могу отказаться от Мелиссы, но и не хочу терять тебя.

От его слов сердце разбивается на миллион осколков.

"Жена, которая подарила наследника". Вот и все, что я значу для него. Функция. Инкубатор. Вся любовь, все обещания, все клятвы, произнесенные им когда-то мне, рассыпались в прах, оставив после себя лишь горечь и разочарование.

Собираю волю в кулак, и как можно увереннее произношу:

— Никогда... Слышишь, Шейн? Я никогда не стану делить тебя с ней! — качаю головой и отступаю в сторону со словами: — Уж лучше я разведусь с тобой.

Шейн одним большим шагом догоняет меня, хватая за руку и рывком дёргает на себя.

— Ты не посмеешь, — шипит прямо в губы. — А если решишься, то я сошлю тебя в своё старое родовое имение и стану навещать тебя там только тогда, когда сам того захочу. Запомни, Валерия, я не дам тебе свободы... И уж тем более не позволю запятнать разводом наш род...

Я впервые видела Шейна таким: злым, раздраженным, чужим.

Но это меня совсем не пугало, скорее удивляло.

Я пребывала в диком недоумении, почему супруг так резко отреагировал на моё заявление о разводе. Почему мои слова так задели его? Разве он не понимает, что наш брак и так уже обречён на провал?

Неужели Шейн всё ещё надеется сохранить наш союз?

Но это глупо! А главное, зачем?

Да, разводы в Райнерии случались крайне редко и лишь в исключительных случаях...

Но разве наш случай не исключительный?

По мне, так встреча истинной пары — это очень даже уважительная причина для расставания.

Тогда в чём же дело? Почему Шейн так противится? Почему не хочет отпускать меня?

Он сказал, что не хочет запятнать разводом свой род...

Но это полная чушь! Разве бы Шейн женился на мне, если бы его заботило, что скажут о нём высокородные лорды? Нет, конечно. Мой муж никогда не был подвержен чужому мнению. Особенно, когда дело касалось его личного счастья.

Значит, дело в другом... Но в чём? Я была уверена, что хорошо знаю супруга, но сейчас я словно бы пыталась изу-

читать его заново. Его реакции, слова и даже угрозы казались мне странными и непонятными.

Но что особенно удивило меня, так это его слова, что он сошлёт меня в своё старое родовое имение.

Я была наслышана об этом месте и прекрасно понимала, что ничего хорошего меня там не ждёт.

Окружающие, да и сам Шейн, говорили об этом имении с каким-то непонятным для меня суеверным ужасом. Поговаривали, что в местных лесах живут перевертыши, а люди, живущие там, бесследно пропадают, стоит им покинуть деревню. Я всегда с сарказмом относилась ко всем этим байкам, не верила в них и считала всё это сказками, придуманными для запугивания непослушных детей. Но теперь, когда перспектива оказаться там стала реальностью, по спине пробежал холодок.

— Ты не поступишь так со мной, — с ужасом смотрю в потемневшие от гнева глаза мужа. — Это жестоко... Даже для тебя.

Шейн отстраняется и, не без сожаления, отвечает:

— Но ты не оставляешь мне выбора, дорогая жена. Ты не хочешь оставаться здесь, значит, будешь доживать свой человеческий век в том захолустье.

— Но я не выживу там... — голос дрогнул, выдавая мой страх. — Там, где даже твой брат не выжил...

И это уже была не легенда, а чистая правда. Вскоре после замужества я узнала, что Шейн не единственный ребёнок в

семье. И что странно, узнала я это не от любимого мужа, а из сплетен окружающих меня драконесс. Спросив, Шейна правдивы ли все эти слухи, я столкнулась с такой волной гнева, что больше никогда не решалась заговорить с ним на эту тему. Но то, что у моего мужа был старший брат Риан, как две капли воды похожий на него, и то, что он умер в том самом имении, стало для меня горьким открытием. Кто-то говорил, что брат Шейна сошел с ума от одиночества, а кто-то, что мужчина не пережил той трагедии, что произошла с ним в скалистых ущельях.

В тот роковой день братья решили посоперничать и прыгнули с высокой скалы, но, по каким-то неизвестным доселе причинам, дракон Риана не смог раскрыть свои крылья и камнем рухнул в обрыв. Был бы он человеком, разбился бы на смерть. Но то, что в его жилах текла кровь драконов, стало его спасением. Изуродованный, с переломанными костями и лишившийся возможности к последующим оборотам, он стал изгоем среди своих. Не выдержав, Риан отказался от своих прав наследования и самолично изгнал себя в ссылку.

Вскоре, его нашли мертвым в лесу. Мужчина был до неузнаваемости изуродован перевертышами, но его родители подтвердили, что погибший — их сын. Их Риан. С тех пор имение стояло заброшенным и никто из семьи мужа не решался даже близко к нему подходить.

И то, что Шейн собирается отправить меня в это страшное место, которое кроме боли и отчаяния не видело ничего,

стало для меня настоящим ударом.

— Но ты же мнишь себя сильной, — ответил Шейн, усмехаясь. — Хочешь развода... Ты думаешь, что выживешь в этом мире одна? Так проверим, сколько ты сможешь прожить в том имении без меня. Без моих денег, связей. Без тех благ, что ты имеешь здесь. А я буду ждать... Ждать, когда ты сломаешься и поймёшь, где твоё место.

— Но Дарок... Он...

Но Шейн не дал мне договорить.

— Даже не смей думать об этом! — мужчина так сильно сжал моё запястье, что я едва не взвыла от боли. — Дарок останется здесь! Я не позволю тебе, Валерия, разрушить будущее нашего сына.

В глазах Шейна плескалась неприкрытая ярость, и я поняла, что спорить с ним бесполезно. Любые мои слова сейчас только бы подливали масла в огонь.

— Ты делаешь мне больно, Шейн! Отпусти...

— Ты всё равно никуда не денешься от меня, жена, — процедил он, отпуская мою руку. — И будет лучше, если ты примешь моё первое предложение.

Пару секунд я, словно не веря, что Шейн смог позволить себе такое, смотрела на красные следы от его пальцев на своей коже, затем покачала головой и, опасливо отступив, произнесла:

— Но я не понимаю... Какую цель ты преследуешь, заставляя меня остаться рядом с тобой? Зачем тебе я, если у тебя

есть она?

Но Шейн молчал. Он лишь продолжал сверлить меня туманенным злобой взглядом.

В этот момент невероятное предположение посетило мою голову и я, стремительно приблизившись к нему, схватила за руку и задрала рукав его камзола.

От увиденного я на мгновение оторопела, затем ошеломленно посмотрела на мужа... и рассмеялась.

— Так вот в чём дело... — сквозь смех с трудом выдавила из себя.

Теперь мне стало понятно отчего мой пока ещё муж ведёт себя словно умалишенный, пытаюсь удержать меня рядом с собой...

И нет, дело было вовсе не в великой любви Шейна ко мне, а скорее в привычке... или, если быть совсем честной, в банальном удобстве. Я всегда была тихой покорной женой. До боли предсказуемой и надёжной. Я не требовала от супруга практически ничего из того, что требовали от своих мужей драконессы,. Я не закатывала скандалов из-за его постоянных отсутствий, и всегда знала, как угодить ему после тяжёлого дня.

В какой-то момент я потеряла саму себя и стала идеальной человечкой для (не)идеального дракона.

И ещё я поняла, что это я, а не Мелисса, та самая игрушка, от которой Шейн, словно капризный ребёнок, не хочет отказываться.

Но сам Шейн упорно не хотел этого признавать.

Мужчина грубо выдернул руку из моих пальцев, бросил на меня уничтожающий взгляд и резко одёрнул рукав.

Но, слишком поздно.

Я уже увидела достаточно, чтобы пазлы наконец-то сложились в уродливую, но до жути логичную картину.

Метка истинности... Два переплетённых дракона, что украшали руку супруга, говорили о том, что Мелисса и впрямь его истинная. Но... метка не проявилась до конца. А это значило лишь одно:

— Так ты ещё не спал с ней? — подавив смех, спросила супруга.

Мужчина изменился в лице и развернулся, чтобы уйти, но я остановила его.

— Ты не посмеешь уйти вот так! — голос сорвался на крик. — Не сбежишь, как трусливый мальчишка!

Шейн замер, спина его напряглась, а кулаки сжались до белых костяшек.

Он медленно повернулся, и я увидела в его глазах настоящий шторм ярости.

— Замолчи, Валерия... Ещё немного и ты переступишь черту, — прорычал он. — Ты даже не понимаешь, о чем говоришь...

— О, поверь, теперь я всё понимаю, — усмехнулась я. — Но странно, что ты это игнорируешь! Неужели ты не понимаешь, что будет с тобой... со мной, с Дароком, когда ты переспиишь с ней?

Но Шейн не спешил отвечать, он лишь продолжал сверлить меня убийственным взглядом.

Тогда я ответила за него:

— Тебя захлестнёт необузданной страстью и всё то, что ты сейчас ещё испытываешь ко мне и нашему сыну в миг пропадёт! Ты растворись в Мелиссе, станешь исполнять все её прихоти, а мы... мы станем лишь тенью... тенью нашего прошлого.

Слова срывались с губ, словно проклятья, отравляя в ком-

нате воздух. Я видела, как они ранят Шейна, как разъедают остатки привязанности, которые он, вероятно, еще питал ко мне и Дароку. Но я не могла остановиться. Меня переполняла смесь обиды, злости и... страха.

Страх лишиться всего... Но я не собиралась превращаться в тень в его избранной пары.

— Но я не хочу так жить! — тихо добавила и опустила взгляд в пол. — Не хочу... Да и не смогу... Я не смогу смотреть на то, как ты милуешься с ней, как целуешь её, как шепчешь ей те самые слова, которые когда-то говорил мне... Не смогу... Уж лучше я погибну от когтей перевёртышей, чем стану заживо умирать каждый день рядом с тобой.

— Валерия... — начал он, но я остановила его жестом.

— Не стоит... — я посмотрела в глаза мужа и с поражающей холодностью произнесла: — Я принимаю твои условия, Шейн. Я согласна уехать в твоё родовое имение.

Глаза Шейна потемнели от гнева. По видимому, он не ожидал, что я приму такое решение. За двадцать лет брака он привык к тому, что я всегда уступала, что всегда ставила его желания выше своих. Но сегодня всё изменилось.

Я изменилась! Поняла, что слишком долго жила в угоду ему. В угоду им всем.

И сейчас, самое время вернуть себе свою жизнь.

— Ты уверена в этом, Валерия? — делая шаг ко мне, вкрадчиво спросил он. — Ты понимаешь, что это значит?

Я кивнула, хотя все внутри меня кричало об обратном. Я

понимала, что это конец. Конец нашей любви, конец нашей семьи, конец всему, что было дорого мне. Но я не видела другого выхода.

Я не могла остаться и наблюдать за тем, как он отдает свое сердце другой.

Это было бы слишком мучительно...

Шейн остановился напротив, бережно коснулся моей щеки, ласково провёл по ней пальцами, затем болезненно схватил за подбородок и заставил поднять лицо так, чтобы я смотрела ему прямо в глаза.

А после, мужчина наконец-то показал своё истинную натуру.

— Ты глупая, самоуверенная идиотка, — сквозь зубы процедил он. — Ты не понимаешь, на что соглашаешься. В особняке давно никто не живёт, а земли кишат перевёртышами. Думаешь, ты сможешь там выжить? Нет, дорогая, — зло усмехнулся. — Ты сдохнешь там без меня... Сдохнешь так же, как сделал это Риан.

На секунду я оторопела, затем горько произнесла:

— Ты всегда видел во мне лишь слабого человека... Но ты ошибаешься, Шейн! Я сильнее, чем ты считаешь. И я выживу, даже если мне придется столкнуться с целой армией перевертышей.

Он отпустил мой подбородок и презрительно оглядел с ног до головы.

— Но ведь это так и есть, — насмешливо пожал плечами. — Ты лишь слабая человечка. Все эти годы ты только и делала, что задирала нос перед высшими, да грела мою постель. Хм... Признаю, в последнем ты переплюнешь даже некото-

рых драконесс.

Шейн издевательски рассмеялся.

Не выдержав очередной порции унижения, я замахнулась, чтобы ударить его по лицу, но Шейн успел перехватить мою руку.

— Ты слишком эмоциональна, Валерия, — осуждающе покачал головой. — Вы, жалкие представители человеческой расы, не умеете контролировать своих чувств, и именно поэтой причине вы никогда не сможете стать равными нам, драконам. У вас нет силы, нет воли, нет мудрости, нет ничего, что связывало бы вас с первородными. Все вы слишком тупы, чтобы понять нас.

— А что понимать? — зло воскликнула я. — Ваше высокомерие? Вашу жестокость и жажду власти? Но мне это не нужно. Я не хочу этого понимать! Уж лучше быть человеком, чем стать таким чудовищем, как ты! — не подумав о последствиях, выпаливаю я.

Шейн меняется в лице: зрачок его хищно сужается, а на щеке проявляется несколько изумрудных чешуек. Он хватает меня за плечи и с силой встряхивает.

— Что ты сказала? Чудовищем? — приближает своё лицо к моему так близко, что я чувствую его обжигающее дыхание у себя на щеке. — Что ж... Раз ты такого мнения обо мне, то запомни, Валерия... Ты можешь говорить, что хочешь. Можешь ненавидеть меня, презирать и требовать развода... Но ты никогда не сможешь отрицать, что ты не просто моя же-

на, ты — моя собственность. Моя добыча. А я никогда не отказываюсь от своего.

Мне было больно это слышать. А ещё больнее признавать, что все его слова — это чистая правда.

Драконы по природе жуткие собственники. И уж если ты попал в их сети, то выбраться из них невозможно.

Шейн резко разжал руки и отвернулся.

— Собирайся, — бросил через плечо. — Ты отправляешься в имение завтра на рассвете. С собой возьми только самое необходимое. Посмотрим, сколько ты протянешь там, вдали от роскоши и комфорта, без слуг и защиты... — он сделал выжидательную паузу, словно думая, что я испугаюсь и передумаю, но не дождавшись от меня никакой реакции, он глухо добавил: — И не рассчитывай на мою помощь, Валерия... Ты сама сделала выбор.

Выплюнув последнюю фразу, Шейн неспешно направился к выходу...

Последняя ночь в семейном гнёздышке

И, уже собираясь коснуться дверной ручки, он вдруг за-
мер и, не оборачиваясь, тихо произнес:

— Я скажу Дароку, чтобы он пришёл попрощаться с то-
бой. Но в дальнейшем я не хочу, чтобы ты общалась с сы-
ном. Ты со своей человечностью можешь дурно на него по-
влиять...

А после, не дожидаясь ответа, Шейн вышел, с глухим сту-
ком закрывая дверь за собой.

Ещё какое-то время я ошеломленно смотрела на закры-
тую дверь, затем медленно осела на пол.

Я могла смириться с изменой, предательством и даже из-
гнанием, но потерять Дарока я не могла.

Мой сын. Моя душа. Мой лучик света в кромешной тьме.

Я чувствовала, как отчаяние заполняет меня. Слезы, ко-
торые я так долго сдерживала, хлынули потоком, обжигая
лицо. Умом я понимала, что Шейн прав, и будет лучше ес-
ли Дарок останется с ним, ведь в этом доме он в безопасно-
сти. Знала, что рядом с отцом нашего сына ждёт великое бу-
дущее, а со мной... Что ждёт меня в родовом имении Шей-
на? Заброшенный особняк? Мёртвая пустующая деревня?
Непроходимые леса, которые кишат перевёртышами?

Нет. Я не могла обречь своего, пусть уже и взрослого, ребёнка на такую несчастную жизнь.

Я всё это понимала... но сердце разрывалось на части. Материнский инстинкт вопил, требовал защитить и уберечь своё дитя. Я ясно осозновала, что как только связь Шейна и Мелиссы войдёт в полную силу, над будущим Дарока нависнет угроза в виде отпрысков истинной пары. А мой сын, рождённый от человечки, станет лишь пешкой в их грязной игре.

Нет. Я не могла этого допустить. Необходимо было тщательно продумать план, который бы помог мне укрепить положение Дарока в этом доме. И идея, как это сделать, уже зрела в моей голове.

Успокоившись, я вытерла слёзы, поднялась с пола и окинула взглядом покои.

Шейн сказал, что я могу взять с собой только самое необходимое.

Что ж... Прекрасно.

Для начала нужно собрать, как можно больше тёплых вещей. Я не знала, в каком состоянии сейчас пребывает родовое гнездо, но то, что особняк давно не отапливали было ясно, как день, и перспектива замёрзнуть там в первый же день, меня совсем не прельщала. Ещё свечей... Нужно взять с собой как можно больше свечей. У меня, конечно же, был небольшой запас магических артефактов, но смогу ли я со своим скудным потенциалом к магии заряжать их, в этом я

сомневалась. Значит, остаётся одно: брать только то, что не зависит от моей магии. Коробка свечей, несколько одеял, набор для письма, сменная обувь, тёплый плащ и платья, но только те, что я бы смогла сама, без помощи слуг, надевать на себя. Таких в моём гардеробе было немного, от силы штук пять. Но этого было вполне достаточно. Подумав, вытащила из шкафа стопку сорочек и несколько комплектов белья.

Сложив всё на кровать и обведя оценивающим взглядом заметно разросшуюся кучу вещей, я поняла, что едва не позабыла о главном — о еде. Необходимо взять с собой как можно больше провизии. Исходя из рассказов Шейна в имении давно никто не живёт, а значит рассчитывать на наличии там съестных припасов мне не приходится.

Подойдя к колокольчику, висевшему у двери, я дернула за шнурок. Через пару минут в комнату, запыхавшись, вбежала молоденькая горничная.

— Передайте кухарке, чтобы собрала мне в дорогу провизию, — стараясь придать голосу уверенности, отчеканила я. — Сухари, вяленое мясо, твердый сыр... Пусть соберёт то, что долго хранится. И пусть поторопится, всё должно быть готово к утру.

Горничная, кивнув, тут же скрылась за дверью.

Я же вернулась к сборам.

Я долго сомневалась стоит ли брать с собой книги. С одной стороны, будет чем развлечь себя в долгие, наполненные одиночеством вечера, с другой — тащить с собой целую биб-

блиотеку было не лучшей идеей. К тому же, Шейн сказал, что я могу взять только самое необходимое... В итоге, мой выбор пал лишь на потрепанный учебник по травологии. Я почему-то была уверена, что без него мне уж точно не обойтись.

Окинув критическим взглядом собранные вещи, я вдруг поняла, что чего-то не хватает.

Чего-то очень и очень важного.

Подумав, я поняла, что мне жизненно необходимо взять с собой оружие. Любое, лишь было чем защищаться от перевёртышей.

Тогда я вспомнила про изящный кинжал, который Шейн когда-то подарил мне на день рождения. Осмотрев все ящики и шкафы, я наконец нашла его, спрятанным в самом дальнем углу.

Взяв кинжал в руки, я удовлетворённо кивнула. Это именно то, что мне нужно. Оставалось дело за малым, сходить к тайнику и забрать из него то, что мне принадлежало по праву.

То, без чего мне точно не выжить.

Главное, не попасться, иначе мне придётся раскрыть свою тайну, которую я так старательно храню от мужа уже несколько лет...

В финансовом плане Райнерия ничем не отличалась от мира, из которого я попала сюда. Здесь так же, как и на Земле, царило негласное правило — если у тебя нет звонкой монеты в кармане, то ты просто никто. Ничтожество. Грязь под ногтями. А учитывая, что отныне оставшуюся жизнь мне придётся выживать в одиночку, без привычной поддержки и защиты супруга, то наличие денег становилось для меня жизненно необходимыми.

Я практически не сомневалась, что Шейн воплотит свои угрозы в реальность. Я отчётливо помнила, как он сказал, что лишит меня всего... И денег в том числе... А значит, в самое ближайшее время супруг позаботится о закрытии тех счетов, что когда-то были открыты на моё имя.

Что ж... Унижаться перед ним и просить его не делать этого, я не собиралась.

Хорошо, что у меня были свои собственные сбережения. Немного. Но всё же за последний несколько лет мне удалось скопить небольшую сумму, которую я предусмотрительно хранила в тайне от мужа.

Зачем хранила это в секрете? Если честно, не знаю.

Возможно, человеческая чуйка взыграла...

А может, я, подсознательно, всё же готовилась к этому страшному дню.

Дню, когда муж найдёт свою истинную и объявит о нашем разводе.

И сейчас эти крохотные сбережения были моим единственным шансом на выживание.

Как мне удалось скопить эти деньги?

Всё просто.

До того, как я попала в Райнерию, я работала в своём мире флористом. Коллеги говорили, что у меня талант к этому делу. Мои букеты приводили в восторг покупателей. Но в ещё больший восторг приходил мой работодатель, когда узнавал сколько денег за день я для него заработала. А я... я просто любила цветы. Любила их тонкий аромат, бархатистость лепестков, разнообразие форм и оттенков. Мне нравилось наблюдать, как из отдельных бутонов рождаются гармоничные композиции. Коллеги с завистью спрашивали: в чём мой секрет? Почему мои композиции так притягивают народ? В ответ я лишь пожимала плечами, ведь секрета никакого и не было. Просто в каждый из этих букетов я вкладывала частичку души, и цветы отвечали мне тем же.

Наверное, именно по этой причине, попав в этот мир, я стала не артефактором, не порталыщиком, и даже не магом огня, а обычным магом земли.

И если для окружающих моё увлечение садом было позорным занятием, то для меня это стало любимым хобби, которое вскоре стало приносить мне доход.

А всё началось казалось бы с обычного разговора...

В тот день, я собрала несколько букетов в нашем саду и попросила одну из служанок отнести их в мою комнату.

— Ваши букеты волшебны, леди Валерия! — не удержавшись, с восхищением воскликнула Лия. — Они бы пользовались большим спросом... — не договорив, девушка умолкла и виновато опустила взгляд себе под ноги.

Но её слова заинтересовали меня и я не могла не спросить: — Пользовались спросом... Где? — я пытливо на неё посмотрела.

Лия помялась, но всё же тихо ответила:

— На городском рынке, госпожа... — она бросила взгляд на меня из под опущенных ресниц и робко добавила: — Эти цветы... Они могли бы украшать не только ваш дом... но и дома горожан...

Я была бы полной дурой, если бы не признала, что служанка права. Наш сад был огромен и в нём цвело море различных цветов. И если бы я даже каждый день заменяла в доме цветы, то часть из них всё равно бы пропала. Тогда-то мы и договорились с Лией, что в те дни, когда Шейн будет отсутствовать дома, я стану собирать для неё букеты, а она будет относить их на рынок и продавать.

Я не хотела, чтобы Шейн узнал о моём маленьком деле, поэтому платила Лие за молчание. И хорошо, между прочим, платила. Практически половина выручки оседала в кармане служанки. Но меня всё устраивало, и я была уверена, что Лия тоже довольна.

И прежде чем уехать, я должна была забрать те самые деньги, что мне удалось скопить.

Я боялась, что Шейн отдал приказ слугам караулить меня, поэтому к выходу практически подкралась. Бесшумно. На цыпочках. Приложив ухо к двери, я замерла. В коридоре стояла полная тишина. Это уже хорошо. Медленно повернув ручку, я выглянула наружу, убедилась, что там нет никого и только после покинула комнату. Я понимала, что в любую секунду мне могут попасться слуги, поэтому старалась идти максимально быстро, но при этом тихо.

Благо идти было недалеко.

Тайник находился в самом конце коридора внутри старых, напольных часов, которые уже давно никто не заводил.

Остановившись напротив часов, я огляделась и, затаив дыхание, прислушалась.

Как бы глупо это не звучало, но в тот момент я чувствовала себя воровкой в собственном доме. Из-за страха быть пойманной, сердце бешено колотилось в груди и казалось, что оно вот-вот выпрыгнет из груди.

Убедившись, что в коридоре нет никого, я медленно открыла дверцу часов. Внутри, за сложным механизмом с шестеренками, находилась небольшая полость, в которой я, все эти годы, хранила свои сбережения. Засунув руку внутрь часов, я сразу же нащупала эту полость... и похолодела.

Она была пуста.

Паника захлестнула меня. Этого не может быть! Я точно

помнила, что ещё вчера, когда утром проверяла тайник, все было на месте!

Может, я ошибаюсь? Может, мешочек просто закатился куда-нибудь?

Лихорадочно ощупывая все закоулки тайника, я не находила ничего, кроме пыли и паутины.

Неожиданно, за спиной раздались шаги.

Испуганно обернувшись, я увидела перед собой Шейна, а за его спиной стояла смущённая Лия.

— Ты это ищешь? — он мерзко усмехнулся, выставляя перед собой ладонь, на которой лежал пропавший мешочек.

Я перевела взгляд с мужа, на Лию. Было не похоже, что девушка напугана, значит, она по собственной воле сдала меня?

Или...

— Ты знал... — скорее не спросила, а констатировала факт. — Ты с самого начала всё знал. Она докладывала тебе?

Шейн рассмеялся.

И этот его смех был словно плевок в лицо. Он звучал громко, надменно и абсолютно бесчувственно. В нем не было ни капли раскаяния, лишь триумф.

— О боги, Валерия, до чего ты наивна! — сквозь смех выдавил он. — Неужели ты думала, что я не узнаю?

Мне нечего было ответить ему. Ведь я действительно так думала...

Думала, что тех денег, что я плачу Лии достаточно для

оплаты её молчания.

Сжав кулаки от бессилия, я метнула в их сторону ненавидящий взгляд.

— Какая же ты дрянь... — прошептала служанке.

Шейн хмыкнул, слегка обернулся и, бросив служанке *мои* деньги, холодно произнёс:

— Держи, заслужила. А сейчас убирайся!

Схватив мешочек, Лия поклонилась и убежала, а Шейн повернулся ко мне.

— А ты... ступай в свою комнату, там тебя уже ждёт наказание за обман.

Наказание?

Нервный смешок непроизвольно сорвался с губ.

Да после всего того, что мне пришлось пережить за сегодняшний день, меня уже трудно было чем напугать.

— Ты не смеешь так поступать со мной, — выдохнув, сухо произнесла. — Эти деньги... Они... Я...

Замолкаю, не в силах договорить.

Да и что говорить? Он всё равно не поймёт.

Но глаза мои, в этот момент, должно быть, метали молнии, а взгляд прожигал мужа насквозь. Впрочем, вряд ли Шейн обратил на это внимание. Он вообще, кажется, перестал видеть во мне ту, ради которой когда-то пошёл против всех.

Губы Шейна скривились, а взгляд скользнул по моей фигуре, словно оценивая.

— Ты еще смеешь указывать мне? Забыла, кто ты? — голос его холоден и резок.

Я сглотнула ком, подступивший к горлу. Нет, я не забыла. Теперь уже никогда не забуду.

Не забуду, как он в одночасье сломал меня, растоптал мою гордость и превратил мою жизнь в ад.

— Я знаю, кто я, — прошептала я, стараясь придать голосу твердость. — И ты еще пожалеешь, что так со мной поступил.

Шейн расхохотался.

— Ты? Заставишь меня Пожалеть? Не смеши, Валерия. Ты ничто. Пыль под моими ногами.

И тут во мне что-то сломалось. Окончательно и бесповоротно. Вся боль, весь страх, всё отчаяние превратились в ярость.

Ярость, которую я больше всего на свете хотела, прямо сейчас, выплеснуть на него.

Но даже находясь под влиянием гнева, я понимала: мне никогда не справиться с ним. Физически нет. А вот морально... Да. Я отомщу. И моя месть будет изощренной, продуманной до мелочей. Я заставлю Шейна страдать так же, как он заставил страдать меня.

Но для этого нужно время. А значит, сейчас мне и вправду лучше уйти.

— Какой же ты мерзавец, Шейн! — с горечью произнесла и, подхватив полы платья, стремительно прошла мимо него. Ответом мне служил смех. Злой и до боли циничный.

Этот смех преследовал меня до самых покоев, где, как оказалось, меня уже ждали.

Я была настолько шокирована произошедшим, что войдя в комнату, не сразу увидела небольшой сундук, стоящий прямо в проходе. Споткнувшись о него, я едва не упала, благо вовремя ухватила за дверь.

— Что это? — спросила я, вскинув взгляд на служанку, изваянием застывшую передо мной.

— Дорожный сундук... — опустив взгляд в пол, тихо вымолвила она.

Я едва не закатила глаза, а рука сама потянулась к лицу.

— Это я и без тебя знаю! Но зачем? Кто приказал?

Лицо горничной побелело от страха.

— Господин Шейн велел доставить его в вашу комнату, — пролепетала она, затем, немного помедлив, быстро добавила: — Хозяин просил передать вам, что вы можете взять с собой в дорогу только то, что войдёт в этот сундук.

Я опешила... Но всего на секунду. А после расхохоталась.

О боже! Я даже подумать не смела, что Шейн может опуститься до такой низости!

В тот момент меня просто накрыло. Я смеялась до слёз, до колик в животе.

Это было так нелепо, так абсурдно, что я просто не могла остановиться.

Не знаю сколько бы продолжался этот истерический смех, если бы я не услышала настойчивый зов служанки.

— Госпожа!? — похоже, она уже не в первый раз звала меня.

Всё ещё всхлипывая от смеха, я перевела взгляд на неё, но... не выдержала и вновь покосилась в сторону своего "наказания".

Сундук был невелик, из тех, что обычно используют для хранения личных вещей. Я окинула взглядом гору вещей, что ждала меня на кровати... И все это должно поместиться

в этот маленький ларь?

Нет, ну это просто смешно!

Я не удержалась и вновь прыснула со смеху.

Так. Стоп. Валерия, тебе нужно успокоиться. Иначе, так и до дурки недалеко.

— Что-то ещё? — спросила её, смахивая слёзы с ресниц.

— Да, госпожа, — прозвучал ответ со спины. — Хозяин распорядился, чтобы мы забрали у вас все украшения.

Резко повернувшись, я увидела ещё одну горничную. Она стояла возле туалетного столика и держала в руках шкатулку, покрытую золотом.

Мои брови взлетели вверх от удивления.

Нет, не от того, что Шейн решил забрать у меня драгоценности, ведь это было вполне предсказуемо.

Моё удивление было вызвано тем, что за спиной горничной находилась Мелисса, а на её шее сверкало фамильное украшение, которое ещё утром принадлежало мне...

Мелиссу, казалось бы, совсем не интересовало происходящее в комнате. Стоя возле зеркала, она самозабвенно любовалась собой и, время от времени, поправляла ожерелье на шее. Её пальцы нежно касались драгоценных камней, а с губ срывались восхищённые вздохи.

Почувствовав на себе мой испепеляющий взгляд, девушка обернулась и самодовольно улыбнулась.

— Как тебе? — спросила она, кокетливо приподняв бровь. — Мне кажется, эти камни подходят мне больше, чем тебе.

Я молчала, с трудом сдерживая себя, чтобы не сделать то, о чём позже буду жалеть.

Но мысленно я уже сжимала пальцы на её шее.

До хруста. До удушающей синевы под глазами. До тишины, звенящей в ушах.

Бррр... Мне стало жутко от собственных пугающих мыслей, и я поспешно отвела взгляд от неё.

Златовласка же, не дождавшись реакции на свои слова, разочарованно вздохнула и, бросив короткий взгляд на своё отражение, произнесла:

— Ну и ладно, не очень-то и хотелось знать мнения той, которая и в моде-то ничего не понимает.

Честно сказать, я немного прифигела от её тона. Хамско-

го. Наглого. И бесцеремонного.

Если ещё днём я увидела рядом с Шейном милую и кроткую девушку, то сейчас передо мной стояла не просто опасная хищница, а настоящая дрянь, которая наглым образом пыталась вывести меня на конфликт.

Я вновь почувствовала непреодолимое желание придушить разлучницу прямо на месте, но, вместо этого, я смирив её насмешливым взглядом и, усмехнувшись, произнесла:

— Тебе идет, — я старалась говорить так, чтобы не выдать бушующей внутри себя ненависти. — Это ожерелье идеально подходит для стерв.

Мелисса слегка побледнела, но тут же взяла себя в руки.

— Ты права, — парировала она, вновь поворачиваясь к зеркалу. — И отныне всё в этом доме будет принадлежать мне. А ты... ты можешь довольствоваться своими воспоминаниями. В конце концов, это единственное, что у тебя останется после того, как ты покинешь... наш с Шейном дом.

Вот как? Значит, их дом? Быстро же она освоилась.

Улыбнувшись краешком губ, я сделала шаг вперед, сокращая расстояние между нами.

— О, я заберу с собой не только воспоминания, — улыбка превратилась в хищный оскал, когда я приблизилась к Мелиссе почти вплотную. — Я заберу с собой кое-что гораздо более ценное.

Наклонившись к её уху, я прошептала:

— Я заберу с собою твой страх.

Мелисса вздрогнула и отшатнулась от меня, как от огня.

— О чём ты? — нервно спросила она.

Я небрежно пожала плечами, отошла и, присев на кровать, беспечно ответила:

— А ты знаешь, что Шейн всё ещё любит меня? — пусть я сама больше так не считала, но мне хотелось уколоть соперницу побольнее. — Он любит меня... В противном случае, он бы не предложил мне остаться. К тому же, он отказался дать мне развод.

— Но он велел лишить тебя всего!

— Пффф, — я закатила глаза. — Всё это... лишь демонстрация его превосходства. Шейн просто хочет, сломать меня. Сделать так, чтобы я передумала. Чтобы осталась с ним.

— Ты ошиба... — начала Мелисса, но я не дала ей договорить.

— Но я не изменю своего решения! — зло отчеканила я. — Я сделаю так, как решила. Утром я уеду в имение. Но не одна... Твой страх... Твоё спокойствие... Я заберу с собой.

— Ты... сумасшедшая! — прошептала она.

— Возможно, — ответила я, продолжая улыбаться. — Но ты, по видимому, еще не знаешь, на что способна “сумасшедшая” женщина, которую лишили всего...

Пару минут Мелисса молчала, словно осмысливая мои слова, затем её глаза потемнели от злости.

— А ну пошли вон! — приказала Мелисса служанкам.

Девушка дождалась, когда горничные закроют дверь за собой, и только после она прошла вглубь комнаты и остановилась у кресла. Брезгливо сморщив своё прекрасное личико, она смахнула с обивки несуществующую пыль, а после царственно присела в него.

Сложив руки у себя на коленях, какое-то время златовласка молчала, затем приглушённо заговорила:

— Ещё несколько лет назад моя семья ни в чём не нуждалась. У нас было всё: власть, деньги, положение в обществе. Наши земли процветали и приносили немислимые богатства. Я была уверена в своём будущем, но... Наши кланы не смогли договориться и началась война. Шейн начал эту войну. Всё рухнуло в одночасье. Несколько лет отец пытался отвоевать всё то, что по праву принадлежало ему, но... безуспешно. И чтобы до конца не разрушить то, что наши предки создавали веками, отец решил признать своё поражение... И когда Шейн прибыл в наш замок... — голос девушки дрогнул, но она умело взяла себя в руки и продолжила: — Тогда-то и выяснилось, что всё это время он воевал с отцом своей истинной пары...

Златовласка замолчала, переводя дыхание и я воспользовалась этим.

— Но зачем ты мне рассказываешь всё это? Думаешь, я пожалею тебя?

Мелисса вскинула взгляд и выразительно на меня посмотрела.

— Мне не нужна твоя жалость, — ледяным тоном, ответила она. — Я рассказываю тебе об этом только затем, чтобы ты поняла, что я готова на всё ради своей семьи. Я не допущу, чтобы эта война повторилась. Если нужно будет... пролью кровь... неважно чью, главное, чтобы Шейн остался со мной.

Вот, значит, как?

— Убирайся... — прошипела я.

Мелисса усмехнулась, поднялась и, не сказав больше ни слова, пошла к дверям, но, неожиданно, остановилась у трюмо. Протянув руку, она сняла с зеркала серебряную цепочку с крестом.

— Похоже, служанки забрали не всё, — ехидно изрекла она.

— Не смей! — вскрикнула я и, подскочив с кровати, подлетела к ней.

Этот крестик был единственной памятью о моей прошлой жизни, и я не могла допустить, чтобы Мелисса забрала его.

Я попыталась выхватить из её пальцев цепочку, но девушка ловко увернулась и отступила.

— Какая безвкусица... — протянула она, бросая взгляд на украшение в своей руке. — Но вижу, она дорога тебе, — её глаза предвкушающе блеснули. — Тогда попроси... Вежливо! Может, я и отдам его тебе.

Унижаться перед ней? Низачто!

— Лучше отдай! По хорошему, отдай, — я начала угрожающе наступать.

— Ну-ну! — Мелисса вновь отступила и выставила руку вперёд, затем разжала пальцы и цепочка упала на пол, прямо возле её ног. — Упс! Какая я неуклюжая. Поднимешь?

Поднять, значило бы склониться перед ней...

Шейн

— Какой же ты мерзавец, Шейн! — с горечью произнесла Валерия и, подхватив полы платья, стремительно прошла мимо меня.

Я хотел остановить её. Хотел удержать. Хотел объяснить-ся.

Но вместо этого рассмеялся. Зло и до боли цинично. Я понимал, что этим смехом ещё больше унижаю её, но остановиться не мог.

Я вёл себя как животное... О боги! Да кого я обманываю? Я и есть животное. Дикое и необузданное. Дракон в человеческой шкуре, который, в конечном счете, разрушил все, что любил.

И лишь когда Валерия скрылась из виду, мой смех постепенно стих, сменившись на тихий, животный стон. Хотелось выть от бессилия, но гордость, проклятая драконья гордость, не позволяла.

Сжав кулак, я со всей силы ударил им о стену, разбивая костяшки в кровь. Боль, вспыхнувшая в руке, лишь на мгновение отвлекла от той, что разрывала сердце.

Чертыхнувшись, взбешённо пронесся мимо покоев, в которых сейчас находилась *она*, и, едва не сорвав с петель дверь, влетел в комнату, которая предназначалась для моей истинной пары.

Одним резким рывком сорвал с себя роскошный камзол, швырнул его на пол и, рухнул в ближайшее кресло. Уронив голову себе на ладони, попытался унять пульсирующую боль в висках. Каждый вдох отдавался в груди ноющей пустотой.

Я не понимал, что со мной происходит. Почему я веду себя так? Я мог с уверенностью заявить, что всё ещё люблю Валерию, но стоило ей оказаться рядом, как мой дракон начинал бесноваться. Он противился ей, вырывался наружу, заставляя меня говорить и делать то, о чём после я сожалел. И если в первую встречу после долгой разлуки мне удалось ненадолго подавить в себе зверя, то после — нет.

Вернувшись с похода, я, как и было заведено, первым делом хотел сообщить супруге о своём возвращении, но Мелисса, сославшись на страх перед гостями, попросила меня остаться с ней. И я не смог ей отказать. Впрочем, я вообще ни в чём не могу ей отказать. Что, как ни менее странно... Я всегда был непреклонен, а тут...

Мне пришлось послать за Валерией одну из служанок. Я был вынужден представить жене свою истинную на глазах у всего высшего общества. Я видел, что вся эта ситуация неприятна Валерии, ощущал, какую боль испытывает она...

Но остановиться не мог.

В тот вечер, когда гости покинули особняк, я шёл в нашу комнату с намерением объясниться. Но стоило мне коснуться жены, как во мне снова проснулся зверь. И вместо слов раскаяния, с губ сорвалась какая-то колкость. В тот мо-

мент мне словно пелена застила глаза. Я смотрел на супругу, такую красивую и беззащитную, и что-то внутри требовало причинить ей нестерпимую боль.

Зачем? Я не знал.

Я видел, что каждое моё слово ранит её, и это лишь подливало масла в огонь. Мой дракон ликовал, наслаждаясь её страданиями. Я чувствовал себя отвратительно, но поделать ничего с этим не мог.

Последней каплей стали слова жены о разводе. Тогда я совсем взбесновался. Я не хотел отпускать её. Не хотел терять ту, с которой прожил столько лет. И как бы это унижительно не звучало, но я пригрозил ей, что отправлю её в своё родовое имение. Отправлю туда, где кроме перевёртышей уже много лет никто не живёт. Я думал, Валерия испугается, передумает и останется.

Но я даже представить не мог насколько сильна моя человечка.

Человечка, которую, судя по всему, я уже окончательно потерял...

С силой растерев лицо ладонями, откинулся на спинку кресла. Взгляд ненароком упал на лежащую на подлокотнике руку. Не понимая зачем, закатал рукав и впился глазами в двух переплетенных драконов.

Метка истинности ещё не проявилась до конца, но я был уверен, что это произойдет, как только мы проведем ночь с Мелиссой.

И, возможно, это произойдет даже сегодня...

Вот же... дархово пламя!

Ещё несколько недель назад я даже думать не смел, что стану заниматься любовью с кем-то ещё, кроме Валерии.

А затем встретил Мелиссу и моё мировоззрение полностью изменилось.

Рядом с избранной я забывал обо всём: о чести, о долге, о любимой жене.

И хотя разум отказывался верить в такую подмену понятий, дракон внутри ликовал.

Мелисса...

Моя истинная пара. Моё наваждение. Дочь моего врага.

Наши кланы не смогли договориться и началась война. Я начал эту войну. У лорда Северных земель изначально не было никаких шансов на победу, но старик не сдавался. Мы разорили большую часть их земель и когда до замка остава-

лось рукою подать, лорд, наконец, признал своё поражение. Старик призвал меня к себе в замок, преклонил колени и склонил голову передо мной. Но, несмотря на поражение, я видел, что в глазах лорда продолжает гореть огонь гордости и непокорности. Тогда я понял: он склонился передо мной, но не сломился... И тогда я решил разорвать соглашение о перемирии, но появилась она.

Молодая драконица.

Красивая, златовласая, с большими, словно омут, глазами.

Нет, я не был сражён её красотой. Разве мало привлекательных дракониц я за свою жизнь повидал? О нет, в моей памяти их было достаточно. Но я никогда не изменял Валерии, не предавал свою человечку.

Но в этот раз, всё изменилось.

Подойдя, девушка протянула мне золотую чарку с вином и предложила выпить за тех, кто погиб в этой войне.

Отказаться, значило предать память погибших.

Я осушил чарку до дна, а когда возвращал ей пустую посудину, девушка, словно бы невзначай, дотронулась до моих пальцев. И в тот момент, меня словно ударило молнией. Кровь обожгло лавой огня, и дракон пробудился. Возликовал, почуяв в ней свою пару.

Я же опешил, не веря, собственным чувствам.

Слишком подозрительно всё совпадало.

Дочь моего врага, которого я намеревался уничтожить,

оказалась моей истинной парой?

Но я...

Я никогда не верил в такие совпадения.

Подверженный сомнениям, я в тот же день призвал к себе мага и приказал проверить меня на магические воздействия. Но тот не увидел на моей ауре приворота и не нашёл любовного зелья в крови.

И даже когда я приставил нож к его горлу, он, едва не обделавшись от страха, продолжал настаивать на своём.

У меня не было причин не верить ему.

Да и дракон, обычно остро реагирующий на любые магические воздействия, также не почуял опасности.

Передо мной не стояло выбора. Я знал, что встретив истинную, дракон уже не сможет жить без неё. Лишив его пары, я бы собственными руками уничтожил его.

Но моя сила, моя власть, да вся моя жизнь — все это держалось на нем.

И я не мог рисковать, ослабляя его.

Стиснув зубы, я принял свою судьбу.

Вернув лорду его земли и оставив хорошие откупные, я забрал его дочь с собой. Я представил Мелиссу высшему обществу и объявил, что отныне она станет жить в этом доме. Рядом со мной.

В качестве кого? Я пока не решил.

Но слуги слишком буквально восприняли мои слова.

Они сделали выводы и решили очернить в моих глазах ту,

которая годами была мне верной женой.

И как только закончилось торжество, мне пришлось выслушать кучу доносов. И не на кого-то, а на свою собственную супругу. Моё терпение кончилось, когда ко мне пришла Лия и обвинила Валерию в воровстве. Служанка заявила, что моя жена вот уже несколько лет обворовывает меня, а награбленное хранит внутри старых, напольных часов.

Я знал, что Лия врёт.

Знал, что Валерия честно заработала эти деньги.

Я с самого начала был в курсе того, чем занимается моя жена.

И от этого пришёл в ярость от слов служанки.

Схватив Лию за шкуру, я приволок её к этим часам, и заставил показать мне тайник.

Я хотел отдать эти деньги Валерии, но, вместо этого, лишь вновь унизил её.

Меня разрывало от противоречий.

Я ненавидел её... И по прежнему любил.

Но разве можно любить и ненавидеть одновременно?

Валерия

Прошло, наверное, не менее получаса после того, как Мелисса ушла, а я так и продолжала стоять у трюмо, невидящим взглядом смотря на своё отражение.

Буря эмоций переполняла меня и, к моему огромному огорчению, этот шторм не собирался стихать. Ярость, обида, растерянность — всё смешалось в какой-то невообразимый коктейль, от которого горело в груди и щипало в глазах.

Я могла с уверенностью заявить, что этот день... вечер... ночь стали самыми худшими в моей жизни.

Но всё когда-то заканчивается. И эта ночь, полная унижения и злости, тоже должна была уступить место новому дню. Хотя, признаться честно, перспектива этого нового дня меня совершенно не радовала.

Но изменить ход событий я уже не могла. Да и не хотела. Я не собиралась ничего менять. Шейн сделал свой выбор, я — свой. И пусть его поступки ранят меня, но я не позволю ему сломить меня.

Наоборот, я сделаю так, что Шейн ещё пожалеет, что сразу не дал мне развод.

Встрепенувшись, легонько похлопала себя по щекам, словно бы пытаясь проснуться, затем решительно направилась в ванную. Открыв кран, плеснула в лицо водой. Затем ещё и ещё.

Холодная вода немного привела меня в чувство, но буря в душе и не думала утихать. Смотря на своё отражение в зеркале, я видела не просто заплаканную женщину, а человека, преданного и оскорблённого до глубины души. Но в то же время, я видела силу...

Силу, которая позволит мне выстоять и пережить это предательство.

Собрав волосы в небрежный пучок, я вышла из ванной и подняла цепочку, которая всё это время так и продолжала лежать на полу. Застегнув украшение на шее, я обернулась и окинула взглядом разворошённую комнату.

Буду ли я скучать по этому месту?

Конечно, да...

Ведь я не только вложила в этот дом частичку души, но и прожила здесь много счастливых моментов.

Здесь Шейн сделал мне предложение... Здесь я родила Дарока... Здесь я обрела себя...

А что теперь?

Ммм?

Похоже, Мелисса была права, говоря, что отныне мне придётся лишь довольствоваться воспоминаниями. Но лучше уж так, чем прозябать оставшуюся жизнь во лжи и притворстве.

И сейчас пришла пора выкинуть из головы ненужные мысли и начать собираться.

Я не собиралась довольствоваться подачкой мужа и делать

так, как он приказал. Поэтому, проигнорировав своё "наказание", я прошла к шкафу и вынула из него небольшую хольщовую сумку, которая была в несколько раз меньше предложенного мне сундука.

Я понимала, что смогу запихнуть в неё лишь самое необходимое, но я и не собиралась брать больше.

Гордость не позволяла.

Моя бы воля, я бы и вовсе ушла из этого дома с пустыми руками, но... К чёрту гордость! Я должна была выжить, должна была сделать так, чтобы Дарок, после моего ухода, ни в чём не нуждался. И я уже знала, как поступить. Знала, за какие ниточки потянуть, чтобы обеспечить сыну достойное будущее. И пусть, что этот метод будет не совсем честен, но в моём случае придётся немного схитрить и прибегнуть к не самым приятным методам, чтобы добиться желаемого.

Приблизившись к кровати, я нашла в куче тряпья мешочек с артефактами и закинула его в сумку. Свечи, одеяла, тёплую обувь, платья и сменное бельё — всё это решила оставить. Плащ надену сразу на себя, а вот, чернила и несколько листов пергамента аккуратно уложила на дно сумки, стараясь не повредить хрупкие артефакты. Взгляд упал на старую книгу... Эх... Придётся оставить.

Положив сумку на кровать, я выбрала из подготовленных к отъезду платьев лишь одно. То, в котором собиралась отправиться в дорогу. Взяв с трюмо ножницы, начала бережно распарывать шов на его подоле, но в этот момент в дверь

постучали...

С губ, непроизвольно, сорвались ругательства.

Кого там опять принесло?

Мало им было моих унижений? Решили в усмерть доконать?

Спрятав платье под грудой вещей, я выпрямилась, и, угрожая выставив ножницы перед собой, громко произнесла:

— Я не хочу никого видеть! Убирайтесь!

Но вместо того, чтобы послушно уйти, дверь слегка приоткрылась и в комнату заглянул встревоженный Дарок.

— Мам?... Это я. Можно?

Облегчённо выдохнув, я отбросила ножницы на кровать.

— Конечно входи, Дарок, — произнесла и устремилась навстречу сыну.

Не скрою, я была очень рада его приходу, ведь Дарок остался единственным человеком в доме, кому я ещё могла безоговорочно доверять. Его глаза, такие же глубокие и карие, как у отца, сейчас были полны беспокойства. Юноша медленно вошел, оглядывая беспорядок в комнате. Взгляд его замер на сундуке.

— Что происходит, мам? — с тревогой спросил он. — Отец сказал, ты уезжаешь... Это правда?

Я не хотела расстраивать сына. Не хотела показывать насколько мне больно.

Поэтому старалась говорить, как можно увереннее.

— Да, милый, — и всё же мой голос дрогнул, когда я отвечала ему. — Мне тяжело это признавать, но, похоже, твой отец нашёл мне замену. И теперь я вынуждена покинуть наш дом.

— Мама... — с нескрываемой болью выдохнул Дарок, затем подошёл и обнял меня. — Мне так жаль...

— Не нужно, — прошептала я и, обняв его в ответ, прижалась щекою к груди сына. — Всё будет хорошо. Я справлюсь.

Мои слова заставили Дарока отстраниться.

— Ты не сможешь... — сын покачал головой и, отступив, с отчаянием в голосе практически прокричал: — Ты не выживешь там одна! Мам, прошу тебя, останься!

Я с сожалением выдохнула:

— Прости, Дарок, но я не могу. Я не смогу жить под одной крышей с человеком, который предал меня... И уж тем более, не смогу жить рядом с *ней*... К тому же, всё уже решено.

Глаза сына полыхнули бунтарским огнём.

— Тогда я поеду с тобой! Я готов, мам! Вместе мы справимся!

Мое сердце болезненно сжалось от его слов. Я знала, что оставить его здесь, в этом доме, будет мучительно, но и взять его с собой не могла. Я не хотела обречь своего ребёнка на жалкое существование. Да и Шейн не двусмысленно дал понять, что он не позволит Дароку поехать со мной.

— Мальчик мой... — я с трудом сдерживалась, чтобы не расплакаться перед ним и, всё же, глаза предательски заблестели. Чтобы скрыть это, я отвернулась и медленно подошла к прикроватной банкетке, обитой красным велюром. Украдкой смахнув слезу со щеки, прикрыла глаза и глубоко вздохнула, стараясь успокоиться.

Раз... Два... Три...

Выдох.

А после, напустив на губы улыбку, я обернулась и присела на край банкетки.

— Присядь, — похлопав ладонью по обивке рядом с собой, я дождалась, когда сын сядет и только затем начала говорить: — Я бы очень хотела, чтобы ты поехал со мной, Дарок... Но, к сожалению, это невозможно.

Дарок непонимающе нахмурил брови.

— Но почему?

Взяв его руки в свои, я с нежностью улыбнулась своему взрослому сыну.

— Потому что, то место, куда я еду, не безопасно. И я никогда не прощу себе, если с тобой что-то случится... Здесь же...

Но Дарок не дал мне договорить.

— А если случится с тобой? Что тогда?

Его вопрос застал меня врасплох. Я опустила взгляд, не в силах больше смотреть в его встревоженные глаза. Но и молчать было нельзя. Нужно было как-то убедить Дарока остаться с отцом.

— Со мной ничего не случится, — тихо ответила я, стараясь придать голосу как можно больше уверенности. — Я буду осторожна. Всегда. И во всём. Обещаю тебе. Ты же должен думать о своём будущем. О карьере. Разве ты забыл о своей мечте?

С самого детства наш сын мечтал пополнить ряды элитной королевской гвардии. Но для начала Дароку необходимо было поступить в Королевскую Академию. И мы уже подали документы на зачисление...

— Я готов отказаться от всего, лишь бы защитить тебя, мам! — прервал мои размышления Дарок.

Он смотрел на меня с такой решимостью, с такой любовью, что мне захотелось сдаться, обнять его и увезти с собой в родовое имение Шейна.

Но я не могла так поступить с тем, кого больше всего на свете любила.

— Нет, мой хороший. Я не вправе лишать тебя будущего. К тому же, кто-то должен присмотреть за отцом. Эта его истинная... Мелисса. Она приходила ко мне. С первого взгляда может показаться, что она тихая, кроткая девушка. Но, уверяю тебя, это не так. Что-то в ней есть. Опасное и злое. И я прошу тебя, мальчик мой, будь осторожен. Не выводи её на конфликт... Я не переживу, если с тобой что-то случится.

Дарок нахмурился, обдумывая мои слова. Он всегда был проницательным мальчиком, и я знала, что он примет верное решение.

— Хорошо, — наконец произнес он. — Я останусь. Но я, надеюсь, что отец хотя бы позволит мне навещать тебя?

— Конечно, милый, — соврала я, зная, что Шейн, конечно же, никогда не даст на это своего согласия...

Но Дароку не зачем было знать это. Не сейчас. Потом. Когда я уеду. Иначе, он просто не отпустит меня. Либо поедет вместе со мной.

Дарок пробыл в моей комнате ещё не менее часа.

А когда сын встал, чтобы уйти, я обняла его крепко-креп-

ко, пытаюсь запомнить, как пахнет счастье.

— Береги себя, мой мальчик, — прошептала я ему на ухо.
— И помни, что я очень-очень сильно люблю тебя.

— И я люблю тебя, мам, — ответил он и, быстро коснувшись губами моей щеки, вышел из комнаты.

Оставшись одна, я ещё какое-то время сидела неподвижно, прислушиваясь к затихающим шагам Дарока в коридоре. И лишь когда за дверью воцарилась полная тишина, я поднялась и, взяв стул, подошла к двери. Подперев спинкой стула дверную ручку и убедившись, что дверь заперта достаточно надёжно, я вернулась к прерванному занятию.

Выудив платье из груды вещей, я придирчиво осмотрела распоротый край.

Удовлетворённо хмыкнув, я отложила платье в сторону. Затем взяла ножницы и, распахнув дверцы шкафа, начала безжалостно срезать драгоценные камни с роскошных нарядов...

Отъезд

Высокородные драконессы не жалели средств на свои наряды, и их платья, казалось, были сотканы из одних драгоценных камней. А так как Шейн не хотел, чтобы его супруга в чём-либо им уступала, мне приходилось соответствовать первородным. Я заказывала для себя одежду только у самых именитых портных, а украшали мои наряды самые известные в Райнерии ювелирные мастера. И если раньше вся эта показная роскошь не особо нравилась мне, то сейчас, я была даже благодарна Шейну за это, ведь для того, чтобы набрать необходимое количество камушков, мне пришлось изрезать всего-то несколько платьев.

Я портила собственные роскошные наряды быстро, методично и без единого сожаления.

Отрезая только самые крупные камни, складывала их на кровать. И когда на постели образовалась довольно внушительная горка сверкающих камушков, я отложила ножницы и закрыла шкаф. Окинув удовлетворенным взглядом плоды труда своего, я аккуратно разложила на постели выбранное мной платье с золотой каймой на подоле и, присев возле него, начала запихивать камни в распоротый шов.

Один за одним: изумруд за сапфиром, за сапфиром — рубин, за рубином — алмаз.

Я старалась размещать драгоценности равномерно, чтобы

со стороны платье не выглядело деформированным и чтобы оно, ни в коем случае, не вызвало у слуг подозрения. Мысленно благодаря Шейна за его любовь к роскоши, я заполняла шов, превращая обычный наряд в своеобразный тайник.

И когда последний камень занял свое место, я осторожно зашила распоротый шов. Вернув иглу с нитью в игольницу, я выпрямилась и бросила взгляд на неплотно задернутые шторы.

За окном занимался рассвет, а значит, времени на сборы у меня практически не осталось.

Извернувшись, растегнула молнию на спине и, стянув с себя платье, прошмыгнула в ванную комнату. Глаза из-за бессонной ночи слипались, и чтобы хоть немного взбодриться, я окатила лицо ледяной водой. Но легче не стало. Спать хотелось безбожно. Но сон для меня был сейчас непозволительной роскошью.

— Ничего. Путь предстоит неблизкий, посплю прямо в карете, — подбодрив себя, вышла из ванной.

Надев подготовленное платье, которое на данный момент стоило примерно как наш особняк, я подошла к зеркалу, покрутилась возле него и устало улыбнулась своему отражению. Платье выглядело идеально, как будто и не было никакого вмешательства. Единственное, что могло выдать меня, это лишь то, что оно стало чуть более тяжелее, чем ранее.

Но об этом ведь никто не узнает?

Наверное... Нет.

Или, возможно, да? Но только в том случае, если перед отъездом Шейн прикажет своей преданной своре слуг, обыскать меня.

Но, я надеялась, что до этого не дойдёт.

Взяв резной гребень с трюмо, быстренько прошлась им по волосам, а после заплела их в косу. Окинув взглядом своё отражение, поняла, что едва не забыла о главном. Вернувшись к шкафу, достала из его недр широкий ремень и решительно затянула его на талии. Ремень был грубым, мужским, совсем не подходящим к изящному шелку, но сейчас эстетика волновала меня меньше всего. Важнее, спрятать кинжал, тот самый, что подарил мне супруг.

Убедившись, что оружие надёжно спрятано под складками платья, взяла плащ и накинула его себе на плечи, скрывая от посторонних глаз свое облачение.

Похоже, на этом всё.

Осталось дожидаться, когда извозчик подаст экипаж.

И всё же, сколько бы я не готовилась, сколько бы не настраивала себя, когда в дверь постучали, я испуганно вздрогнула. Сердце бешено заколотилось, а руки предательски задрожали.

Сглотнув образовавшийся в горле ком, я постаралась придать себе как можно более невозмутимый вид.

— Войдите, — поднявшись с кресла, произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и без запинки.

В тот же момент в дверях появилась старая горничная.

— Экипаж подан, госпожа, — тихо сообщила она, старательно избегая мой взгляд.

Кивнув, я накинула капюшон плаща себе на голову и, подняв с пола холщовую сумку, направилась к выходу. Всю дорогу я молилась лишь об одном: чтобы меня не стали обыскивать.

Иначе...

Даже подумать страшно, что будет со мной, если меня уличат в воровстве.

Казалось, что тело сковало от страха. С трудом передвигая ногами, я спустилась по мраморной лестнице, миновала холл и, к моему великому облегчению, беспрепятственно покинула дом.

Но стоило мне только выйти на улицу и спуститься с крыльца, как я почувствовала, что в спину буквально вонзается чей-то тяжёлый, обжигающий взгляд.

На секунду я замерла, затем медленно обернулась...

Ранее, мне уже доводилось ощущать на себе этот подавляющий взгляд, оттого я знала, кому он принадлежит. И в тот момент, когда я оборачивалась, в моей голове были мысли лишь об одном — что сейчас, мне придётся пережить ещё одну бурю и выслушать очередную порцию оскорблений, но какого же было моё удивление, когда за спиной никого не оказалось.

Неужели, мне показалось?

Нет. Этот взгляд... Я бы узнала его из тысячи.

Решив не испытывать судьбу, я ускорила шаг и поспешила к карете. Но ощущение того, что за мной наблюдают, не пропадало. Тогда я не выдержала и, уже у самой кареты, вновь обернулась, вскинула голову вверх и прошлась глазами по особняку.

В одном из окон, там, где располагались гостевые покои, за плотной шторой, я уловила движение. Тень, едва заметная, но достаточная, чтобы понять — я не ошиблась.

Он там. Наблюдает.

Словно хищник, выслеживающий добычу.

Холодок пробежал по коже, несмотря на тёплое летнее утро.

Поспешно забравшись в карету, я захлопнула дверцу и стукнув кулаком по стене, громко крикнула:

— Трогай!

В тот же момент карета сорвалась с места, и меня вдавило в мягкую обивку сиденья. Ещё пару минут я неотрывно смотрела в окно, ожидая преследования, а когда особняк скрылся за поворотом, задёрнула шторы.

С губ сорвался нервный вздох облегчения.

Разжав побелевшие от напряжения пальцы, отчего сумка с нехитрым скарбом упала мне в ноги, я прикрыла глаза и попыталась успокоить гулко колотящееся сердце.

В голове роилась куча вопросов:

Почему Шейн ведёт себя так? Почему не отпускает меня? Почему, вместо того, чтобы проводить время со своей истинной парой, он продолжает искать глазами меня? Зачем я ему?

Что, чёрт побери, вообще происходит?

Но ответов на эти вопросы у меня, к сожалению, не было.

Возничий больше не гнал лошадей, отчего карета, мерно покачиваясь, убаюкивала и одновременно раздражала своей монотонностью. Мы ехали медленно. Даже слишком. Мне же хотелось, как можно скорее оказаться подальше от того места, которое еще вчера казалось мне домом.

При мысли о том, что отныне мне придётся жить одной, в глуши, рядом с непроходимым лесом, в котором водятся перевёртыши, в груди неприятно заныло. В попытке избавиться от грустных мыслей, я открыла глаза и осмотрела убранство кареты. Внутри было довольно уютно. Мягкие бархат-

ные сиденья, украшенные тесьмой, стены обитые шёлком, на потолке — объемная вышивка по муару с изображением дракона. Интересно почему Шейн расщедрился на такую роскошь? После его угроз, было бы правильным, пошли он за мною обычную повозку.

Возможно, супруг решил таким способом загладить свою вину?

Сомнительно.

Скорее, это его очередная уловка. Способ заставить меня осознать от чего я отказываюсь...

Взгляд остановился на небольшой корзине, стоящей на противоположном сиденье.

Потянувшись, я откинула с неё плетеную крышку. Внутри обнаружился скудный дорожный набор: фляга с водой, краюха чёрного хлеба, кусок заветренного сыра и несколько яблок.

У меня глаза на лоб полезли от удивления.

Насколько помню, я приказывала горничной, собрать мне в дорогу, как можно больше еды.

Хорошей еды!

А это...

Да это издевательство какое-то!

Вернув крышку на место, я презрительно фыркнула и, развязав плащ, вынула из-за пояса кинжал. Подняв подол платья себе на колени, начала аккуратно распарывать шов.

Несмотря на то, что ранее мне не доводилось бывать в

имении Шейна, я знала, что на дорогу уйдёт несколько дней, а путь наш будет пролегать через столицу Райнерии — Алесандрию.

Я много раз посещала столицу, поэтому, не по наслышке знала, что там я смогу не только пополнить запасы провизии, но и впрок закупиться разными необходимыми мелочами.

Но для начала мне необходимо будет продать несколько "украденных" камней.

И если с этим проблем у меня не должно было возникнуть, так как Алессандрия славилась своими ювелирными мастерскими, то вот как уговорить возникшего посодействовать мне...

Этого я не знала.

Но понимала, что возникший не просто выполняет свою работу.

Он — человек Шейна. Его покорный слуга. Его глаза и уши.

И просто приказать возникшему, у меня, скорее всего, не получится.

Хммм...

Похоже, придется проявить не только смекалку, но и прибегнуть к небольшой женской хитрости...

Отложив кинжал в сторону, я извлекла из образовавшейся прорехи несколько камней и задумчиво поиграла ими у себя на ладони. Мне было известно, что изумруды, впрочем как и рубины, имеют особенную ценность в Райнерии, а значит, вырученных денег мне хватит надолго.

Но...

Меня терзали сомнения, смогу ли я там — в глуши, куда решил сослать меня муженек, продать оставшиеся камни?

Наверное, нет.

А деньги, я была больше, чем уверена, мне ещё ой как понадобятся.

Без них мне не выжить.

Взвесив все "за" и "против", принимаю решение продать чуть больше камней, чем планировала ранее. Аккуратно достав из тайника ещё семь переливающихся самоцветов, я ссыпала их в карман. После заколола прореху булавкой и, опустив подол, расслабленно откинулась на спинку сиденья.

Бессонная ночь давала знать о себе.

Ужасно клонило в сон.

Веки слипались и усталость медленно, но верно брала верх надо мной.

Мне казалось, что я прикрыла глаза всего на секунду...

А проснулась от ржания лошадей и громких людских го-

лосов.

Спросонья не сразу поняла, что происходит и почему карета стоит. Инстинктивно схватившись за ручку кинжала, я испуганно распахнула глаза и, подавшись телом вперёд, выглянула в окно.

Наша карета стояла у высоких железных ворот, а вокруг неё, громко переговариваясь, мельтешили незнакомые люди. Некоторые из них были одеты в форму городской стражи, другие — в лохмотья нищих, а третьи просто глазели на новоприбывший дорогой экипаж. Правда, без стражи. Что лишь подстегивало их интерес.

Ранее, я никогда не приезжала в Алессандрию одна. Меня всегда сопровождал Шейн, Дарок, либо охрана. Сейчас же со мной был только возничий — щупленький мужичонка, который, в случае опасности не смог бы меня защитить. Оттого, не скрою, я чувствовала себя уязвимой.

Несколько минут я вглядывалась в толпу, затем, наконец-то, нашла глазами возничего.

Он стоял поодаль, рядом со стражником, и отсчитывал тому плату за проезд через городские ворота.

От мысли о том, что я чуть было не проспала свою цель — Алессандрию, по спине пробежал холодок.

Мысленно чертыхнувшись, я спешно прикрепила кинжал назад к поясу, затем, словно бы невзначай, провела рукой по карману. Убедившись в сохранности его содержимого, завязала плащ и придвинулась поближе к крохотному окошку,

предназначенному для общения с кучером.

Вскоре, снаружи раздался скрип открываемых ворот, и карета вновь покатила по мостовой.

Ещё какое-то время наш экипаж петлял по узким улочкам города, затем мы выехали на центральную площадь, где я, практически сразу же, заметила знакомую вывеску известного ювелирного дома.

"Изумрудный Дракон" — место, где блистали не только камни, но и вся высшая знать.

Я умышленно проигнорировала этот драконий рай, так как знала: туда мне нельзя. Хозяин лавки знал меня лично, и заявись я к нему с горсткой драгоценных камней, да ещё и с предложением купить их у меня, он бы сразу же сдал меня Шейну.

Но этого я допустить никак не могла.

Выходит, придётся рискнуть и продать камни там, где раньше я не бывала.

И когда карета подъехала к невзрачной ювелирной лавке в конце улицы, я громко постучала в окошко, привлекая внимание возничего

— Останови здесь! — приказала, как только окошечко отъехало в сторону.

Возничий нахмурился, но перечить не стал.

По прошествии пары минут он "припарковал" нашу карету ровно напротив нужной мне лавки.

Я не стала дожидаться, когда возничий соизволит открыть

для меня дверцу, а сама распахнула её и сошла на мостовую. Накинув капюшон на голову, я решительно направилась мимо сошедшего на землю возничего.

— Подожди меня здесь, — бросила через плечо, проходя мимо него.

Но далеко уйти мне не удалось.

Не прошло и пары секунд, как слуга догнал меня и встал на пути со словами:

— Госпожа! Его светлость не велел покидать вам карету!

Я остановилась, приподняла капюшон, чтобы он мог видеть мое лицо, и холодно произнесла:

— Но я не пленница и вольна поступать так, как хочу! Так что дай мне пройти!

Я заметила, как у возничего дёрнулся глаз.

— Не велено, — вновь пробухтел он, продолжая стоять на месте. — Я отвечаю за вашу безопасность перед его светлостью.

Я усмехнулась. Какая ирония! Шейн заботится о моей безопасности? Смешно!

— Передай его светлости, что я сама несу за себя ответственность, — отрезала я, глядя возничему прямо в глаза. — И я не нуждаюсь в его опеке. Больше не нуждаюсь.

Мужчина, казалось, был готов взорваться от собственного бессилия. Я видела, как он сжимает кулаки, но прикоснуться ко мне, чтобы насильно вернуть в экипаж, он не смел. Все-таки, я всё ещё была законной женой его господина, и если

бы он тронул меня, то навлёк бы на себя гнев дракона.

Возничий попятился, и я уже было решила, что победила, но, неожиданно, он сделал широкий шаг вперёд и вновь перегородил мне дорогу. Его лицо, и без того багровое, налилось еще большей краснотой.

— Простите, госпожа, но... не пущу!

Вот же... упёртый баран! Впрочем, на что я рассчитывала? Я же знала, что именно так и будет.

И всё же, я же должна была попытаться!

Смерив возничего убийственным взглядом, я повернулась и сделала вид, что хочу вернуться в карету. Но не дойдя до неё пару шагов, вскрикнула и согнулась пополам.

— Что с вами, госпожа? — раздался над ухом встревоженный голос.

— Ох, — простонала я, хватаясь за живот. — Мне... мне нужно в уборную.

В ответ тишина.

Тогда я медленно обернулась и вскинула взгляд на возничего.

Тот, сконфуженно, отвёл глаза в сторону и едва слышно произнёс:

— Не велено отпускать... Нужно терпеть...

— Ты издеваешься? — взорвалась я. — До имения ещё несколько дней пути! А ну пропусти!

Я оттолкнула мужчину и пулей пролетела мимо него. В этот раз он не стал меня останавливать. Я же забежала за угол

той самой лавки, в которую так стремилась попасть, и, прижавшись спиной к шершавой стене, попыталась отдышаться.

Фух...

Неужто мне удалось сбежать от него.

Оставалось дело за малым — пробраться незамеченной внутрь лавки.

Глубоко вздохнув, я решительно выглянула из-за угла.

Возничий продолжал стоять у кареты, понуро опустив голову. Наверное, он заранее представлял, какой нагоняй получит от Шейна, за то, что проворонил меня. Выждав, когда он отвернётся, я мышкой прошмыгнула к двери и практически вбежала в лавку, отчего колокольчики над дверью издали нервную трель.

Внутри оказалось на удивление тихо и сумрачно. Совсем не так как в "Изумрудном Драконе". Там было яркое освещение, здесь же тяжелые портьеры на окнах практически не пропускали света, и мне потребовалось несколько секунд, чтобы зрение адаптировалось.

А когда глаза немного привыкли, я увидела, что за прилавком, отполированным до блеска, стоит человек. Он был не высок, сухощав и одет во что-то вроде длинного камзола из темной ткани. Голову его украшала забавная шапочка, расшитая какими-то непонятными символами. На носу покоились очки в тонкой серебряной оправе, а в руках он держал лупу, с помощью которой рассматривал что-то мелкое и, очевидно, очень важное.

Настолько важное, что, несмотря на звон колокольчиков, он даже не поднял головы.

Я откашлялась, привлекая его внимание.

Мужчина вздрогнул и перевёл взгляд на меня. Пару минут он внимательно рассматривал мой образ, словно прицениваясь стоит ли вообще тратить на меня своё драгоценное время, затем удовлетворенно кивнул и, отложив лупу в сторону, расплылся в дружелюбной улыбке.

— Доброго дня вам, милая леди, — елеинно пропел он и зазывно помахал мне рукой. — Прошу вас, пройдите сюда...

На первый взгляд хозяин этого места показался мне вполне порядочным человеком.

И казалось бы, что может пойти не так?

Но тогда, я даже помыслить не смела, чем обернётся мне посещение этой лавки...

Да и внутреннее чутье, обычно столь надежное, почему-то молчало.

Но прежде чем подойти к прилавку, я дала себе ещё пару секунд на то, чтобы прийти в себя после забега. Сделав вид, что увлечённо рассматриваю окружающие меня витрины, я, украдкой, несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, восстанавливая сбившееся дыхание.

И лишь когда моё сердце перестало бешено колотиться в груди, я, не спеша, подошла к хозяину лавки.

Напустив на губы безмятежную улыбку, я приветливо кивнула ему.

— Доброго дня и вам, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и беззаботно.

— И что же привело вас в мою скромную обитель, леди? — спросил он, слегка наклонив голову, с интересом разглядывая меня. — Возможно вы ищите нечто особенное?

Но не дожидаясь ответа, хозяин лавки снова лучезарно улыбнулся и указал на бархатные подушечки перед собой, на которых красовалось несколько колец.

— Вот, полюбуйтесь, какая красота! Королевское золото! Самые лучшие драгоценные камни! И если леди того пожелает, я могу подобрать к ним не только серьги и ожерелья, но даже броши!

Я скользнула взглядом по украшениям.

Золото, бриллианты, сапфиры... Все блестело и переливалось, но я пришла сюда не за этим.

Между тем мужчина продолжал расхваливать свой товар.

— В моей лавке вы найдете все, что душе угодно! Изящные браслеты, тонкие цепочки, сверкающие диадемы...

В какой-то момент я поняла, что просто теряю время.

Время, которого у меня, к сожалению, не было, ведь возничий мог в любую секунду отправиться на мои поиски, а это значило, что пора было прекращать этот бессмысленный балаган.

Покачав головой, я выставила руку вперёд, тем самым заставляя его замолчать.

— Благодарю, — я обвела взглядом украшения. — Ваш товар достоин внимания, но я пришла в вашу лавку не за покупками.

В тот же момент взгляд ювелира померк, но он быстро взял себя в руки

— И зачем же тогда? — спросил он, подозрительно прищурившись.

Опустив руку в карман, я вынула из него свои самоцветы и, высыпав их на прилавок, произнесла:

— Я хочу продать эти камни. И, надеюсь, вы купите их у меня.

Мужчина хмыкнул и опустил взгляд на россыпь камней. Внимательно наблюдая за ним, я успела заметить, как в гла-

зах хозяина лавки мелькнула жадная искра, но он умело скрыл её за привычной маской профессионального равнодушия. Ювелир зажёл лампу, затем взял один из камней и поднес его к свету, внимательно рассматривая грани и игру цвета. После, отложив рубин в сторону, он принялся перебирать остальные камни, издавая при этом короткие, неразборчивые звуки.

Хозяин лавки с особой тщательностью изучал каждый камень, используя для этого различные инструменты и приспособления. Я же терпеливо ждала, стараясь не выказывать своего нетерпения.

Наконец, он поднял голову, и, снова хмыкнув, смерил меня долгим изучающим взглядом.

— Что скажете? — не выдержала я.

Ювелир задумчиво потёр подбородок, затем вновь опустил взгляд на камни.

— Ваш товар действительно очень хорош, — наконец произнёс он. — Цвет, чистота, огранка — все на самом высшем уровне. И я готов предложить за эти камни неплохую цену.

Он назвал сумму, и я едва удержалась, чтобы не выдать своего изумления. Внутри меня всё ликовало. Я даже не ожидала, что смогу выручить за них столько золота.

— Я согласна, — поспешила ответить я, пока он не передумал.

— Чудненько! — мужчина улыбнулся и достал из под

прилавка пузатую тетрадь и позолоченную перьевую ручку. — Тогда назовите мне своё имя, титул и род, к которому принадлежите. Я должен проверить, что эти камни не украденные.

Я опешила. Казалось, что в этот момент мне дали чем-то тяжёлым по голове.

Ювелир же воспринял моё молчание по своему.

— О, милая, не волнуйтесь, — протянул он. — Проверка займёт всего пару минут! Вы же в курсе, что каждый драгоценный камень в Райнерии проходит проверку? Можно даже сказать, что драгоценности имеют свой отпечаток. Стоит мне поднести их вот к этому артефакту, — он положил перед собой небольшой светящийся камушек. — Как я сразу же узнаю истинного владельца этих камней. И если эти самоцветы действительно принадлежат вам, я с охотой куплю их у вас.

Я почувствовала, как земля разверзается у меня под ногами.

Назвать своё имя, значило сообщить Шейну, что я наглým образом обворовала его.

Нет.

Уж лучше я стану перебиваться с хлеба на воду, чем выдам себя.

— Я жду... — ювелир нетерпеливо помахал ручкой.

— Я... я не могу назвать вам своё имя, — с трудом выдавила из себя. — Но уверяю вас, эти камни принадлежать мне

по праву.

Хозяин лавки замер, затем медленно отложил ручку в сторону и, неожиданно, схватил меня за руку.

— Юджин! — проорал он.

В тот же момент откуда-то из под прилавка выскочил карлик в ливрее, непропорционально огромной для его роста. Он вцепился в мою ногу и повис на ней. Я дернулась, инстинктивно пытаюсь вырваться, и почувствовала, как рвётся мой плащ.

— Что вы себе позволяете? — испуганно вскрикнула.

— И как я сразу не догадался, что этот ублюдок Карлин подослал тебя в мою лавку! — визгливо проорал ювелир, выпучивая глаза. Его лицо побагровело от ненависти. — Нашёл, значит, способ избавиться от конкурента? С украденными камнями ко мне подослал? А на улице, небось, уже ждёт меня стража?

— Я не понимаю о чём вы... — пробормотала я, пытаюсь вырваться.

Но безуспешно.

Карлик, как клещ, продолжал висеть у меня на ноге.

— Юджин! — снова позвал ювелир. — А ну беги скорее за стражей! Сейчас мы выведем эту чертовку на чистую воду!

Карлик метнулся к выходу, и я поняла, что это мой шанс.

Резким движением я вырвалась из рук ювелира и, не обращая внимания на боль в руке, рванула к дверям. Выскочив на улицу, я бросилась бежать в сторону кареты.

Позади слышались ругательства хозяина лавки, но я не оглядывалась.

Я просто бежала.

Бежала так, как будто бы за мной гнался сам дьявол.

Подбежав к карете, я задыхаясь, прокричала возничему:

— Быстрее! Уезжаем!

Благо мой возничий оказался понятливым человеком. Он мигом вскочил на козлы, и карета, дернувшись, сорвалась с места.

Ещё какое-то время я ошалело смотрела перед собой, осмысливая произошедшее, затем зашлась нервным смехом, а после глупо, по-детски разревелась.

Мне не было жалко тех камней, что остались на прилавке у ювелира, мне было жалко себя.

Казалось, у меня был идеальный план... Но всё пошло крахом.

Складывалось ощущение, что не только весь мир, но и целая вселенная была настроена против меня.

Но я не собиралась сдаваться. Не хотела. Не могла!

Вытерев слезы, я решительно выпрямилась.

— Это ещё не конец, Шейн, — с яростью прошептала я.
— Это ещё не конец...

И всё же инцидент, произошедший в лавке, пошатнул мою уверенность в себе. Я больше не была уверена в завтрашнем дне, а будущее стало казаться мне зыбким, расплывчатым и враждебным.

И если ещё утром в голове был план, как мне выжить в этом мире без помощи Шейна, то сейчас там зияла огромная дыра, полная сомнений и страха.

Я не знала, как действовать дальше. Не понимала, что делать и как поступить. И самое страшное — я понятия не имела, кому я могу продать оставшиеся драгоценные камни.

Спустя пару часов быстрой езды, Александрия осталась далеко позади, а встретятся ли нам ещё на пути города — этого я не знала.

Меня корбило только от мысли, что, по меркам этого мира, в моём платье сокрыто целое состояние, но в то же время у меня не было ничего.

Ни еды. Ни денег. Ни сменных вещей. Вообще, ни-че-го.

Голова разрывалась от противоречивых мыслей, а сердце то трепетало, то болезненно сжималось в груди. В конце-концов, я настолько измучила себя размышлениями, что к вечеру того же дня меня накрыло жуткой апатией.

Я больше не хотела думать о том, что ждёт меня в имении Шейна.

Долгая безбедная жизнь? Хорошо. Смерть от когтей перевертышей? Пусть будет так.

Мне было всё равно.

Я не могла есть, пить, спать...

Накрывшись плащом, я лежала на сиденье кареты и бессмысленным взглядом смотрела перед собой.

Так прошла ночь, а на утро у меня начался жар.

Каждый вдох отдавался болью в груди, а голова раскалывалась так, будто её пытались раздробить изнутри. Сознание то прояснялось, то снова погружалось в мутный омут бреда. В полузабытии мне чудились лица: то встревоженное лицо кучера, то надменное Шейна. Но чаще всего я видела Дарока. Мой мальчик. Мой лучик света в крошечной тьме. Он улыбался, гладил меня по голове и говорил что-то ласковое, но его слова тонули в гуле, как будто звучали из-под воды.

Мой экипаж то и дело подпрыгивал на ухабах, отчего боль в голове становилась невыносимой. Я чувствовала, как по вискам струится холодный пот, а во рту пересохло так, что язык казался мне шершавой наждачной бумагой.

В какой-то момент я потеряла счёт времени...

А когда карета наконец остановилась и возникший услужливо открыл дверь для меня, то я не вышла, как мужчина того ожидал, а в прямом смысле рухнула на него. Благо, он успел вовремя подхватить меня.

— Ваша светлость! — испуганно вскрикнул возникший, и, добавив пару крепких словцов, понёс меня дому, где усадил

на большое каменное крыльцо. — Вот, попейте...

Он поднёс к моим губам дорожную флягу с водой, но я проигнорировала его предложение. Отвернувшись, я уткнулась лбом в холодную опору крыльца и прикрыла глаза.

— У вас жар, госпожа, — между тем не сдавался Возничий. — Вам нужно пить как можно больше воды... — но я не реагировала, тогда он взмолился: — Прошу вас, сделайте хотя бы глоток!

С трудом подняв голову и сфокусировав взгляд на стоящем перед собой мужчине, я едва заметно качнула головой.

— Со мной всё хорошо... — прошептала. — Оставьте меня. Уезжайте...

Возничий хмыкнул и произнёс:

— А как же... Конечно уеду, ведь только безумец по собственной воле согласится остаться здесь. Вот, сейчас, вас в чувство приведу и сразу же уеду. Так что, пейте, госпожа, не задерживайте меня.

Он вновь поднес флягу и едва ли не силой заставил меня сделать несколько глотков воды.

В прошлом меня бы возмутило его поведение, но, сейчас, его настойчивость даже тронула меня. Только подумать, тот, который по единому щелчку пальцев своего господина, был готов избавиться от меня, неожиданно, проявил заботу.

Возничий же достал из кармана платок, смочил его и начал обтирать им моё пылающее лицо.

— Сейчас полегчает, — бубнил он при этом. — Сейчас

полегчает...

Прохлада влажной ткани приятно обжигала кожу, и вскоре я почувствовала, как в голове проясняется.

— Когда в последний раз вы ели, госпожа? — будничным тоном поинтересовался возничий.

— Эм... — я задумалась. А действительно, когда? В тот день, когда Шейн должен был вернуться домой, я была слишком взволнована, чтобы есть. А вечером, на торжественном ужине, у меня уже кусок в горло не лез. А после... мне и во-все было не до еды. Тогда я совершенно искренне ответила: — Не помню...

Возничий смерил меня осуждающим взглядом, затем вздохнул и вернулся к карете. Его не было всего пару минут, а когда он вернулся, в его руках я увидела свою холщовую сумку, корзину, приготовленную слугами для меня и ещё не замеченный мной ранее, какой-то бумажный свёрток.

— Зря вы так, госпожа, — тихо сказал возничий, ставя рядом со мной корзину, а поверх её лежа сумку. — Ну встретил дракон истинную... Эка невидаль? Что ж теперь гробить себя?...

Я вскинула на возничего удивлённый взгляд.

Это он что, жизни сейчас учит меня?

Мужчина же сел рядом, развернул бумагу и я увидела, что внутри лежит ломоть хлеба, пара кусочков вяленого мяса и обрезок сыра. Соорудив из всего этого нехитрый бутерброд, возничий протянул его мне со словами:

— Ешьте! — но увидев, каким ошарашенным взглядом я на него смотрю, объяснил своё поведение: — Мне б скорее уехать, а то скоро темнеть начнёт... А молва об этих местах сами знаете какая, — он замолчал и устремил свой взгляд в сторону леса. — Не дай бог встретиться с ними... И вам мой совет, госпожа, как только уеду я, вы в дом сразу входите, да двери покрепче закройте... Небось, пройдёт беда мимо... Ну? Чего ждёте? Ешьте, давайте!

Я приняла бутерброд, не зная, что и сказать в ответ.

Возничий, видимо, принял мою растерянность за слабость и, вздохнув, добавил:

— И подумайте, госпожа, стоит ли так убиваться? Драконы они хоть и с искрой божьей, а всё же хищники. Сегодня любит, а завтра — у него настроение не то. Или вот как мой господин... муж ваш, истинную свою неожиданно встретил. Вроде и счастье, а сколько боли это другим принесло?

Я машинально откусила от бутерброда. Хлеб был черствый, мясо пересолено, но сейчас это казалось неважным. Слова возничего, грубые и прямолинейные, подействовали на меня лучше всякого лекарства.

"А ведь возничий прав, — подумала я и начала безжалостно уничтожать бутерброд. — Чего я соплю, слюни-то распустила? Подумаешь, камни не смогла продать... Пфф... Уверена, у меня ещё будет такая возможность. Просто нужно немножечко потерпеть."

Возничий, увидев, что его слова возымели должное дей-

ствие, одобрительно крякнул, поднялся и, покосившись в сторону экипажа, неуверенно вымолвил:

— Ну что ж, госпожа... поеду я. А вы... помните, что я вам сказал. Ступайте в дом, да не выходите из него до утра. И свет ярко не зажигайте. Глядишь, и зверь дикий мимо пройдёт...

Ну, здравствуй, новый дом...

Мне было страшно оставаться одной. Но я понимала, что даже предложи я возникшему задержаться, он, скорее всего, откажется. Так как боится очень. Поэтому, у меня не оставалось другого выбора, кроме как распрощаться с ним.

— Что ж, не смею задерживать, — сухо произнесла я.

В ответ возникший слегка поклонился и, вскочив на козлы, подстегнул лошадей.

Карета плавно тронулась с места, и вскоре скрылась из виду.

Ещё какое то время я просто сидела и смотрела перед собой. Стараясь не думать о перевёртышах, что, судя по слухам, водились в местных лесах, я с интересом рассматривала то место, в котором мне отныне предстояло провести всю свою оставшуюся жизнь.

И, не стану скрывать, мне не особо нравилось то, что я видела.

Небольшой приусадебный двор, посреди которого возвышался фонтан, чуть в стороне от него беседка, увитая лозами дикого винограда, а слева от себя я увидела заброшенный сад. На секунду я даже представила, как он выглядел в свои лучшие времена: пышные розы, ухоженные дорожки, звенящий смех прежних обитателей дома. Но всё это было ранее... Сейчас же сад зарос дикими травами, ветви деревьев

переплелись, образуя мрачный шатер, а в воздухе витал запах прелой листвы.

"Наверное, раньше здесь было очень красиво," — сокрушённо вздохнув, подумала я и вновь прошла взглядом по двору.

Теперь же здесь царил хаос из диких роз, колючего кустарника и пожухлой травы. Но это ли беда с моим-то даром? Конечно нет. Мне не составит труда привести двор в порядок и, возможно, я даже смогу воскресить сад...

Беда скрывается там, дальше.

Я вскинула голову и устремила взгляд в сторону леса.

От мысли, что где-то там нашли изуродованное тело Риана, меня бросило в жар и холодный липкий пот покрыл спину. Мне пришлось приложить невероятное усилие над собой, чтобы не поддаться панике и не пуститься вслед за каретой. Вместо этого, я медленно поднялась, выждала пока ослабленные ноги привыкнут к тяжести тела, затем спустилась с крыльца и, сделав пару шагов по вымощенной камнями дорожке, повернулась к строению.

— Ну, здравствуй, новый дом, — с горькой улыбкой прошептала я.

Дом был большим, двухэтажным. Но время так же оставило на нем свой отпечаток. Часть дома была полностью увита плющом, а крыша местами поросла мхом.

Мда... Печальное зрелище.

Возможно, изнутри он выглядит совсем по другому?

Но прежде чем войти в дом, я должна была кое-что сделать.

Несмотря на то, что жар, пусть хоть и немного, но спал, болезнь всё ещё терзала меня. И если я не хотела в первую же ночь умереть в этом доме, то должна была до наступления темноты найти одну лечебную травку.

Медленно продвигаясь вперёд, я искала глазами знакомые очертания листьев. И когда, наконец, мне удалось отыскать искомое, я, к своему огорчению, поняла, что солнце уже клонится к закату.

Сразу же вспомнились слова, брошенные возникшим:

— *Ступайте в дом да не выходите из него до утра. И свет ярко не зажигайте. Глядишь, и зверь дикий мимо пройдёт...*

Стало как-то не по себе и я, спешно собрав необходимое количество листьев, едва ли не бегом устремилась назад. Взмахнув на крыльцо, подхватила корзину с лежащей на ней сумкой, и решительно толкнула незапертую дверь от себя. Внутри дома царил полумрак, лишь несколько слабых лучиков заходящего солнца пробивались сквозь щели в ставнях. Запах пыли и запустения ударил мне в нос, смешиваясь с горьковатым ароматом собранных трав. Опустив корзину на пол, я торопливо захлопнула дверь и, для пущей надёжности, закрыла её на щеколду.

После подняла свои пожитки с пола и неспеша направилась в глубь дома.

Я старалась ступать как можно тише, и всё же старые по-

ловицы предательски скрипели под ногами, эхом разлетаясь по всему дому. Взгляд мой то и дело натыкался на разбросанные по полу вещи. Складывалось впечатление, что прошлые жители этого дома просто сбежали отсюда, побросав все свои вещи.

Миновав холл и пройдя через полутемную гостиную, я оказалась в небольшой кухне. Именно её я и искала. Здесь царил ещё больший беспорядок. На столе, покрытом толстым слоем пыли, стоял чайный прибор, а рядом валялся кухонный нож. В раковине громоздилась гора грязной посуды, а запах... запах стоял такой, что я не выдержала и зажала пальцами нос. Казалось, что вонь стухшего мяса пропитала здесь всё. Не выдержав, я, несмотря на поселившийся страх в душе, распахнула створки окна и принялась искать источник тошнотворного запаха.

Взгляд упал на старый, покосившийся буфет в углу. Его дверцы были неплотно закрыты, и, как мне показалось, вонь исходила оттуда. Стараясь дышать через раз, я подошла к буфету и медленно потянула на себя его дверцы. Внутри, на одной из полок, я увидела старый, почерневший кусок мяса. Он был облеплен мухами, и от него исходил густой, удушающий запах разложения. Меня затошнило, и я отшатнулась назад, едва сдерживая рвотный позыв. Я не понимала, откуда здесь мясо? Даже если бы прошлые хозяева оставили здесь его, то за столько лет, от него бы и следа не осталось. Неужели... это было сделано специально? Нет. Это низко. Даже для

Шейна.

Тогда... Кто? Неужели в доме кто-то бывает?

Это предположение заставило меня испуганно замереть и прислушаться. Тишина.

— Тише, Валерия. Тише. Если кто и был здесь, то очень давно, — прошептала я, в попытке успокоить себя.

Стараясь не смотреть на отвратительную находку, я схватила кусок мяса через тряпку и выкинула его прямо в окно. О чём тут же пожалела. Запах мог привлечь тех, о ком говорил мне возникший. Но отправляться сейчас на улицу, когда солнце практически скрылось, было слишком рискованно.

У меня не было времени дожидаться, когда запах полностью выветрится. Скоро совсем стемнеет, а мне ещё нужно было успеть приготовить отвар. Обведя взглядом кухню, я увидела, что возле очага, лежит стопка аккуратно сложенных дров. Разжечь их не составило труда. Труднее было найти подходящую посуду. Все полки были покрыты толстым слоем пыли, а среди многочисленной утвари не нашлось ничего подходящего, кроме закопченного котелка. Пришлось довольствоваться им. Наполнив его водой из под крана, я поставила его на огонь. Дождавшись, когда вода закипит, я засыпала в котелок собранные листья и, сняв его с огня, стала ждать, когда отвар настоится.

Сейчас, я уже пожалела, что не взяла с собою в дорогу хотя бы пару свечей. Я обыскала всю кухню, но не нашла даже огарка. Подкинув пару поленьев в очаг, я решила, что

проведу эту ночь прямо здесь, на кухне. А завтра... завтра у меня будет достаточно света, чтобы обыскать весь этот дом.

Сполоснув кружку под краном, я налила в неё горячего снадобья и уселась прямо на пол у очага.

Глоток обжигающего отвара растекся по телу приятным теплом. Вкус у него был землистый, с легкой горчинкой, но вполне терпимый.

Раньше мне не приходилось самой заваривать травы и уж тем более не приходилось лечиться ими, но из учебника по травологии я знала, что листья этой травы должны избавить моё тело от жара.

От размышлений меня отвлек тихий, едва уловимый стук. Я замерла, прислушиваясь. Стук повторился, на этот раз громче, отчетливее.

Казалось, звук доносится сверху, из-под потолка.

Бесшумно поставив кружку рядом с собой, я поднялась и быстро закрыла ставни.

Стук повторился снова... Затем ещё раз... И ещё...

Сердце бешено заколотилось.

Схватив кочергу, стоявшую у очага, я приготовилась защищаться...

Не знаю сколько я так простояла, но судя по затёкшей спине и онемевшим пальцам, в которых я отчаянно продолжала сжимать кочергу, прошло не менее часа.

Всё это время стук то повторялся, то затихал.

Страх липкими щупальцами оплетал сознание, рисуя в воображении кошмарные картины того, кто ещё, кроме меня, находится в доме. Я пыталась унять дрожь, глубоко вдыхала и выдыхала, но сердце продолжало бешено колотиться, отбивая чечетку в груди. Я не знала, кто скрывается в доме: дикие звери, перевёртыши или обычный грабитель. Последняя мысль показалась почти успокаивающей. С грабителем можно справиться, его можно напугать, с ним можно договориться.

Но что, если это нечто иное? Что-то, что хочет мне навредить?

Неизвестность пугала больше всего. Но я даже помыслить не смела, чтобы выйти из кухни. Бродить посреди ночи по тёмному дому в поисках источника звука... Хм... Так себе идея. Здесь, при тусклом мерцании очага, я чувствовала себя в относительной, но безопасности.

Вконец, измучившись, я опустила кочергу и медленно отошла от прохода.

Устало опустившись возле печи, я поджала ноги к груди

и уронила голову на колени.

Стук снова повторился.

Но я даже не шелохнулась. Я устала. Слишком устала. Измученное болезнью тело требовало отдыха. Требовало покоя. И я позволила ему победить. Страх, неизвестность и даже возможная опасность — все это отошло на второй план перед всепоглощающей усталостью. Веки отяжелели, и я провалилась в зыбкий, неглубокий сон.

Сквозь пелену дремоты до меня продолжали доноситься приглушенные звуки: шорох за стенами, шепот ветра в щелях, потрескивание поленьев в печи...

А потом снова — стук.

Вздрагнув, я резко открыла глаза.

Утренние лучи солнца пробивались сквозь ставни, а это значило, что я смогла пережить эту ночь.

Но если я хочу пережить и следующую, то должна немедленно осмотреть дом. Поднявшись, распахнула ставни, впуская в помещение как можно больше яркого света, затем вновь взяла кочергу и, крадучись, покинула кухню. Стараясь ступать, как можно тише, я, словно мышка, перемещалась по дому, попутно распахивая ставни в каждой комнате. В целом, за ночь, картина несколько не изменилась. Смотря на разбросанные вещи, перевёрнутую мебель и немыслимый беспорядок в доме, я утвердилась в своём предположении, что прошлые хозяева фактически сбежали отсюда.

Осмотрев первый этаж и не обнаружив ничего, что стоило

бы моего внимания, я застыла у лестницы, ведущей наверх.

Ночью стук раздавался именно оттуда.

Идти на второй этаж было страшно, но и оставаться в неведении — невыносимо.

Собравшись с духом, я начала медленно подниматься по скрипучим ступеням.

Шаг за шагом. Ступень за ступенью.

Добравшись до площадки второго этажа, я замерла, прислушиваясь.

Ничего.

Только всё та же оглушающая тишина, от которой мороз шёл по коже.

подавив в себе желание спуститься обратно, я продолжила путь.

На втором этаже располагались несколько гостевых комнат и небольшая кладовка. Дверь в первую комнату была приоткрыта. Я медленно, стараясь не издавать ни звука, подошла к ней и заглянула внутрь. Комната оказалась спальней. Большая кровать с разорванным балдахином, туалетный столик с разбитым зеркалом и громоздкий шкаф у стены.

Осторожно войдя в комнату, я огляделась.

Ничего необычного, если не считать общий хаос.

Развернувшись, я направилась к выходу, но, неожиданно, позади меня раздался знакомый стук.

Забыв, как дышать, я медленно обернулась.

Но за спиной не было никого!

Выдохнув, я сжала дрожащими пальцами кочергу и сделала несколько неуверенных шагов вглубь комнаты.

Вдруг, резкий порыв ветра распахнул одну из створок окна, а спустя пару секунд, она, с громким стуком вернулась на место. От понимания, что всю эту ночь я сходила с ума от страха из-за обычных сквозняков, меня едва не охватила истерика. Нервно рассмеявшись, я подошла к окну и обомлела.

На подоконнике виднелись отчётливые следы какого-то зверя.

Но разве животное способно забраться на такую высоту?

Если только... Если только это не перевёртыши.

Дыхание перехватило от ужаса. Но то, что я увидела в следующее мгновение, заставило меня спешно покинуть комнату. Я бежала по лестнице, а перед глазами продолжала стоять лужа засохшей крови, которую я обнаружила прямо возле окна.

О чём я вообще думала, соглашаясь уехать в это гиблое место?

Сначала тухлое мясо, затем пугающий стук, а после и вообще кровь...

Да это прямо фильм ужасов какой-то!

Выходит, Дарок, Шейн, да даже слуги — все они были правы, говоря о том, что эти места кишат перевёртышами. Опасными. Хищными. Безжалостными убийцами!

Ну уж нет! Здесь меня не ждёт ничего, кроме смерти, а

значит, мне нужно убираться отсюда как можно скорее.

Ворвавшись в кухню, я схватила со стола свою сумку, скидала в неё припасы из корзины и выбежала из дому. Я помнила в какую сторону уехал возничий, и собиралась идти в том же направлении, но, неожиданно, в противоположной стороне от выбранного пути, я увидела дым, который, судя по всему, шёл из печной трубы.

А если кто-то разжёт очаг, значит... О Господи! Неужели там люди?

Ещё никогда в жизни я так не радовалась. Сбежав с крыльца, я спешно направилась по заросшей сорняками дороге, которая, насколько я понимала, вела к деревне...

Путь до деревни оказался дольше, чем я предполагала. Из-за сорняков, цепляющихся за подол платья, я не могла быстро идти. Спотыкаясь, несколько раз едва не упав, я медленно, но настойчиво, продвигалась вперёд. Мысль о том, что на этих землях ещё кипит жизнь подгоняла меня вперёд.

Я уже представляла себе тёплый очаг, добрые лица, горячую еду...

О Боги! Да кого я обманываю? Мне бы просто увидеть людей! Живых... Тогда, возможно, страх отступит и я смогу вернуться домой.

Наконец, впереди, я увидела очертания изб.

Деревня!

Я ускорила шаг. Но желание, как можно скорее оказаться в безопасности, заставило меня подхватить полы платья и практически побежать.

Добежав до первой избы, я замерла, пытаюсь отдышаться и понять откуда же шёл тот дым.

Но... деревня словно бы вымерла.

Ни людей, ни животных, ни единого намёка на то, что в этом богом забытом месте, есть кто-то живой.

Неужели мне показалось? Но нет. Я точно видела дым.

Медленно идя вдоль старых, покосившихся от времени изб, я искала глазами хоть какие-то признаки жизни. Но, су-

дя по тому, что я видела, слухи, которые я слышала ранее, оказались правдивы — здесь давно уже никто не живёт. Но тогда, что я видела? Откуда шёл дым? Возможно, усталый путник разжёт неподалёку огонь? Сомнительно. Если только он не слышал тех устрашающих баек про эти места, что слышала я.

Вдруг, взгляд мой наткнулся на едва заметную тропку, ведущую к одному из домов. Значит, мне не привиделось и здесь действительно кто-то был?

Свернув с дороги, я осторожно подошла к провисшей калитке и толкнула её от себя. Она со скрипом отворилась, открывая вид на небольшой дворик и покосившуюся избу с забранными досками окнами. На дверях дома висел большой чугунный замок. Взойдя на крыльцо, я словно не веря глазам, провела по нему пальцами, а затем потянула его на себя и, неожиданно, замок поддался. Дверь открылась легко, словно бы кто-то продолжал исправно смазывать петли.

Переступив порог, я вошла внутрь и в нерешительности замерла.

Из-за досок на окнах внутри помещения стоял полумрак. Мне потребовалось какое-то время, чтобы дать глазам привыкнуть к неяркому свету, а уж после, когда зрение адаптировалось, я закрутила головой по сторонам, осматривая внутреннее убранство дома.

Обстановка была более чем скромной: старый стол, пара стульев, большая печь в углу и кровать, застеленная выцвет-

шим одеялом. Пыль толстым слоем покрывала не только все поверхности, но даже гроздьями свисала с потолка, облепив паутину. На первый взгляд можно было решить, что в доме давно никто не бывал, но, присмотревшись, можно было увидеть неприглядный след на столе. Словно бы кто-то недавно был здесь. Тогда я решила осмотреть печь. Подойдя, я коснулась рукой её шершавой поверхности. Печь была тёплой. Открыв дверцу, я увидела, что в глубине темного зева ещё тлеют угли.

Выходит, я не ошиблась? Печь топлена, а значит, кто-то здесь был. Но кто? И где он сам?

— Эй? — дрожащим голосом прокричала я. — Здесь есть кто-нибудь?

В ответ тишина.

Разочарованно вздохнув, я повернулась, чтобы выйти на улицу, но, вдруг, в самом тёмном углу дома послышался шорох. Я испуганно замерла, вглядываясь во тьму.

Но... ничего разглядеть не смогла.

Собравшись с духом, я произнесла:

— Прошу простить, что вторглась в ваш дом, но мне нужна помощь, — я старалась не показывать страх, что душил меня изнутри, но голос мой дрогнул, а рука невольно, потянулась к кинжалу.

За эту ночь, утро, я настолько накрутила себя, что мысли о перевёртышах стали казаться вполне реальными. Вот и сейчас, стоя в полумраке заброшенной избушки, я готова

была поверить во что угодно...

Вдруг, шорох повторился, но теперь он доносился откуда-то сверху. Медленно подняв голову, я увидела, как с потолка свисает тень. Сердце бешено заколотилось в груди, дыхание перехватило и кровь отлила от лица.

— Кто там? — пискнула я.

И снова, в ответ — тишина. Тень не двигалась. Не выдержав напряжения, я резко взмахнула кинжалом, целясь в темное пятно. Лезвие просвистело в воздухе, и с потолка посыпалась труха. А вместе с ней... на стол рухнула обычная кошка. Она жалобно мяукнула и, прыгнув на пол, бросилась ко мне, ласково мурлыча и обвивая ноги.

Я облегченно выдохнула. Всего лишь кошка. Но откуда она здесь взялась?

— Ты как здесь, киса? Где твой хозяин? — вернув кинжал на место, я наклонилась и подхватила животное на руки. Затем вышла из дома и стала взглядом искать владельца животного. Но либо здесь не было никого, либо тот, кто всё это время заботился о своём питомце, умело скрывался от моих глаз.

Недоуменно пожав плечами, я спустилась с крыльца, прошла по двору, заглянула за угол дома и даже осмотрела сарай, что стоял в дальнем конце участка. Нигде ни души.

Решив, что поиски бесполезны, я опустила кошку на землю и, покинув двор, двинулась дальше по улице. Последующие дома ничем не отличались от предыдущих. Одинаковые,

серые, истрёпанные временем, с покосившимися заборами и заросшими травой участками.

— Кажется, я просто теряю время. Да, киса? — я присела возле кошки, которая всё это время следовала за мной по пятам, и, погладив её, бросила тревожный взгляд на солнце.

Перспектива провести ещё одну ночь в особняке совсем не прельщала меня. Но отправляться в дорогу сейчас, когда совсем скоро стемнеет, было бы чистым безумием. Я понятия не имела, как далеко нахожусь от ближайшего населённого пункта, и перспектива заплутать в ночном лесу, а ещё хуже встретиться там с перевёртышами, казалась мне куда более ужасной, чем переночевать в особняке. Там, по крайней мере, хоть есть где спрятаться от этих чудовищ.

— Ты со мной, киса? — я бросила взгляд на животинку. Кошка довольно заурчала, уткнувшись мордочкой в мою ладонь. — Тогда, идём!

Встав, я пошла прочь из деревни. Но, ещё одно неожиданное открытие ждало меня, прямо посреди улицы. Курица! Обычная деревенская курица вольготно расхаживала от дома к дому, что показалось мне не менее странным. Насколько я знала, что кошка, что курица — это одомашненные животные.

Но где тогда люди?

Вопросы роились в голове, не давая покоя. Инстинкт самосохранения настойчиво твердил, что нужно убираться отсюда как можно скорее, но любопытство, вечный спутник

всех авантюристов, твердило, что нужно ещё раз осмотреть все дома.

И всё же, разум взял верх над любопытством.

Решено, я переночую в особняке, а с первыми лучами солнца покину это жуткое место.

Обратная дорога до особняка показалась мне вдвое длиннее.

Каждый шорох, каждая тень заставляли меня вздрагивать и озираться.

И когда, наконец, впереди показался знакомый фасад двухэтажного дома, меня уже изрядно трясло от страха. Схватив кошку на руки, я пулей влетела в дом и захлопнула дверь за собой. Опустив кошку на пол, я повернулась, чтобы закрыть дверь на задвижку и, в этот самый момент, за спиной раздался разъяренный рык бывшего мужа:

— Где тебя черти носят, Валерия?

Его голос раздался так неожиданно, что я едва не завизжала от ужаса. В тот момент я буквально прочувствовала, что это значит, едва не умереть от страха. Резко обернувшись, я впилась изумленным взглядом в лицо Шейна и... обомлела. Мой пока ещё муж выглядел, мягко сказать, неважно: осунувшееся лицо, тёмные круги под глазами, щетина, покрывающая обычно гладко выбритое лицо... Но больше всего меня поразило его взгляд — мутный, горящий каким-то безумным огнём. Обычно сдержанный и респектабельный Шейн сейчас напоминал дикого зверя.

"Что это с ним? — пронеслось у меня в голове. — Неужели встреча с истинной парой так на него повлияла? Или... разлука со мной?"

Я уже было открыла рот, чтобы спросить у Шейна о его самочувствии, но в ту же секунду упрямо сомкнула губы обратно.

"Его здоровье отныне не волнует меня., — напомнила я себе. — Пусть Мелисса теперь проявляет заботу к нему. А я ... я больше не его жена, не его поддержка и не его утешение. Так пусть же этот предатель пожинает плоды своего выбора!"

Однако, несмотря на все мои рациональные доводы, сердце предательски сжалось от жалости. Этот человек, стоящий

передо мной, когда-то был для меня опорой, моей любовью, моей вселенной.

Мы делили с ним радости, горести, мечты и надежды...

Так... Стоп! А что он вообще здесь забыл?

— Зачем ты здесь? — пытаюсь подавить в себе остатки былых чувств, холодно спросила его.

Шейн сделал неуверенный шаг в мою сторону, и я невольно отступила назад. Прижавшись спиной к холодной двери, я смерила его взглядом, полным презрения.

— Не подходи ко мне, — прошептала одними губами.

В глазах мужа мелькнуло что-то похожее на боль, но он умело взял себя в руки.

— Ты боишься меня? — усмехнулся мужчина, и эта ухмылка обожгла сильнее всяких слов. В ней было столько самодовольства, столько уверенности в своей неотразимости, что меня передёрнуло от омерзения.

— Боюсь? Тебя? — я презрительно фыркнула. — Скорее, ты мне противен...

Глаза Шейна опасно блеснули, зрачок хищно вытянулся, и он в два шага сократил расстояние между нами. Уперевшись ладонями в дверь, он приблизил своё лицо к моему и прошипел:

— Противен? Вот, значит, как ты заговорила? А если так? — он больно схватил меня за подбородок и, наклонившись, стал целовать.

Его поцелуи были грубыми, требовательными, лишенными

ми всякой нежности. Он не спрашивал, не просил, а брал, словно у меня не было права на собственные чувства и желания. Я пыталась отвернуться, пыталась вырваться из его хватки, но Шейн держал крепко, не давая мне ни единого шанса. В его поцелуях чувствовалась злость, обида и какое-то отчаянное желание доказать свою власть. В какой-то момент он уже не целовал, а просто кусал. Он словно бы намеренно причинял мне боль, тем самым уничтожая остатки меня самой.

Слёзы бессилия обожгли мне глаза. Я ощущала вкус собственной крови во рту, и чувствовала как в груди разрастается огромный ком ненависти. Я ненавидела Шейна за то, что он позволяет себе так поступать со мной. Ненавидела себя, за то, что когда-то я всем сердцем любила этого человека. И даже ненавидела Мелиссу, за то, что рядом с ней мой муж превратился в чудовище.

Закрыв глаза, я попыталась абстрагироваться от происходящего, но это не помогало. Боль пульсировала в губах, напоминая мне о реальности. Слезы обиды и унижения потекли по щекам.

Внезапно, словно опомнившись, Шейн отстранился.

Пару секунд он смотрел на меня затуманенным взглядом, затем выругался и стремительно отошёл в глубь холла.

— Прости, — глухо бросил мужчина, обернувшись ко мне. — Я сам не понимаю того, что творю.

Вытерев слёзы тыльной стороной ладони, я заставила себя

посмотреть на него.

Мужчина казался потерянным и даже растерянным.

— Зачем? — мой голос дрожал от обиды. — Зачем ты продолжаешь мучить меня? Разве тебе мало того, что ты сотворил со мной? Зачем ты вообще явился сюда?

Но вместо того, чтобы ответить, Шейн вдруг изменился в лице и зло произнёс:

— Я прождал тебя несколько часов, Валерия, — моё имя он практически выплюнул. — Где ты была всё это время?

На мгновение я опешила от такой резкой смены его настроения. Ещё минуту назад он просил у меня прощения, а сейчас, казалось, был готов придушить меня. Если бы я не знала своего мужа, то могла решить, что он страдает от раздвоения личности... Но, нет. Шейн никогда не страдал этим.

Тогда что происходит? Возможно, встреча с истинной так влияет на него? Неужели дракон берёт верх над человечностью?

Впрочем, не важно.

Главное, чтобы он как можно быстрее покинул сей дом.

Отстранившись от двери, я направилась в сторону кухни.

— Я не обязана перед тобою отчитываться, — бросила себе за плечо. — Хотя... Если тебя это так волнует, то я... гуляла. Просто гуляла. Осматривала свои новые владения. И знаешь, — я обернулась и заставила себя улыбнуться. — Мне здесь нравится! Очень. И если ты думаешь, что я вернусь с тобою обратно в наш дом, то ты глубоко заблужда-

ешься. Тебе не удалось сломать меня этой ссылкой. Здесь... вполне себе мило. Роскошный дом, огромный сад... Есть где разгуляться моему дару...

Я говорила, и сама офигевала от своих слов. Что я несу? Мне здесь нравится? Да ещё час назад я собиралась сбежать отсюда. Но я не хотела показать Шейну, как это место пугает меня. Не могла позволить, чтобы он наслаждался моим поражением.

— ...Так что можешь даже не уговаривать, я не вернусь к тебе, Шейн! — довольная собой, я развернулась и продолжила путь, но, неожиданно, за спиной раздалось:

— Забудь о том, что я тебе предлагал. Ты больше не нужна мне, Валерия...

От неожиданности я сбилась с шага и едва не врезалась в косяк. Остановившись, я обернулась и переспросила:

— Что ты сейчас сказал?

— Только рядом с Мелиссой я познал настоящее счастье, — с каким-то благоговейным восторгом произнёс Шейн. — Она истинная, высокородная драконица, которая показала мне, что такое любовь. А ты... ты ничто. Обычная, стареющая человечка, к которой я больше не испытываю ничего, кроме человеческой похоти...

— Замолчи, Шейн! — не выдержала я и перебила его. — Ты ведёшь себя низко! Смею напомнить тебе, что эта стареющая человечка, которую ты сейчас унижаешь, родила тебе сына! Дарок... Он...

— Не смей даже произносить его имя! — зарычал мужчина. Глаза его потемнели от гнева, на скулах заиграли желваки. — После развода ты больше никогда не увидишь сына!

— После развода?

— Да, Валерия, — Шейн выставил руку и, словно бы из ниоткуда, ему на ладонь упал свёрнутый в трубочку пергаментный лист. — Я хочу развода. И именно за этим я здесь. Прямо сейчас ты подпишешь эти документы, и мы навсегда исчезнем из твоей жизни.

Внутри меня словно что-то оборвалось.

Я была не против развода, но Дарок... Шейн прямо сказал, что не позволит мне видеться с сыном. От одной только мысли, что он заберёт его у меня, глазах потемнело, и стены вдруг покачнулись. Мне пришлось ухватиться за косяк двери, чтобы не упасть.

Со стороны, где стоял Шейн, раздался раздраженный вздох.

— Не устраивай сцен, Валерия, — лениво протянул муж. — Ты же сама хотела развода.

Мне потребовалось приложить невероятное усилие, чтобы взять себя в руки. Подняв голову, я посмотрела на пергамент в его руке. От вида, казалось бы, обычной бумаги, внутри меня закружил ураган эмоций: гнев, обида, отчаяние.

Но сильнее всего — страх. Страх потерять Дарока. Этого я не переживу.

Выпрямившись, я окинула Шейна ледяным взглядом. В

глазах больше не было ни мольбы, ни надежды. Осталась только решимость.

"Не дождеешься, — пронеслось в голове. — Ты ещё пожалеешь, что сразу не дал мне развода! Теперь же посмотрим, на что ты готов пойти ради своей истинной пары."

— Будь по-твоему, Шейн. Я подпишу эти бумаги... Но только после того, как ты впишешь в этот документ несколько важных поправок. У меня есть условия, Шейн. И либо ты выполнишь их, либо развода тебе не видать...

— *Будь по-твоему, Шейн. Я подпишу эти бумаги... Но только после того, как ты впишешь в этот документ несколько важных поправок. У меня есть условия, Шейн. И либо ты выполнишь их, либо развода тебе не видать...*

От моих слов Шейн скривился, словно от зубной боли.

— Ты смеешь ставить мне условия? — процедил он сквозь зубы и сжал кулаки. — Ты? Та, которая и мизинца моего не стоит? Та, которая и жива-то только благодаря мне?

— Именно так, Шейн, — не обращая внимания на колкости с его стороны, кивнула я. — Ты не оставляешь мне выбора. Хочешь развода? Ты его получишь. Но я не буду больше играть по твоим правилам. Хочешь моей подписи? Ты и её получишь, но только после того, как я буду уверена, что ты выполнишь мои требования.

Супруг прожёг меня яростным взглядом. Казалось, что Шейн вот-вот взорвется от злости. Вены на его шее вздулись, лицо покраснело, а на щеке даже показались

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.